

VI. Человек в учении Христа

1. Сущность человека в Пятикнижии Моисея

Пятикнижие Моисея, являющееся переводом еврейской Торы, несет следы языческих представлений о человеке. Мы упоминали, что в десяти заповедях Моисея видна явственная связь с признаниями о несовершенности грехов из египетской Книги Мертвых. Но в Книге Мертвых эти признания делались перед богами, чтобы быть оправданным судом Осириса и сохранить душу для посмертного существования в загробном царстве. В Пятикнижии о душе сказано только в описании творения человека: «создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою». (Бытие 2:7) В дальнейшем все описания отношений Бога с патриархами Израиля, Моисеем и другими пророками носят сугубо материальный характер. Ни о каких духовных отношениях речь не идет. Бог избрал народ Израиля по причине праведности его родоначальника Авраама. Он обещал выделить евреям в удел Землю обетованную, где текут молоко и мед, а народ сделать таким многочисленным, как земной песок. И не будет у него бесплодных ни среди людей, ни среди скота.

В знак благодарности требовалось не так много - евреи должны поклоняться единому богу и не брать себе других богов. Ритуал жертвоприношения, как он описан Моисеем, устройство Скинии Завета, одежды священнослужителей ярко демонстрируют, что на первое место в созданной Моисеем религии, выступает внешняя материальная сторона, а внутренняя духовная скрыта. В предсказаниях пророка Исаии, жившего через пятьсот лет после Моисея, в годину невзгод постигших Израиль, выражается надежда на военный реванш, которого евреи добьются над своими врагами: «И возьмет в плен, пленивших его, и будет господствовать над угнетателями своими». (Исаия 14:2) Как видим, ни о каком духовном преобладании речи не идет, только о насилии и подавлении. Вплоть до времен Иисуса Христа в Иудее существовала религиозная группировка саддукеев, отрицавших бессмертие души, воскрешение из мертвых, посмертное воздаяние, то есть видевших в человеке только телесную природу.

Не нужно думать, что Ветхий Завет свидетельствует, о какой-то отсталости иудеев в развитии представлений о духовности. Время создания легенд о Моисее и его закон древнее, чем гомеровские мифы о багах, которые развлекались со смертными мужчинами и женщинами, были беспутными и безнравственными. При сравнении греческой и иудейской религий окажется, что последняя наполнена высочайшим духовным содержанием, только направлено оно не на людей, а на Всевышнего. В религии евреев главный упор сделан на духовную сущность самого Бога. Ни одна из языческих религий не знает подобного Бога. Только в зороастризме бог сил света и добра Ахура-Мазда отдаленно напоминает его, но он не всемогущ, так как вынужден бороться с богом зла и мрака. В новой религии монотеизма борьба идет не между богами, а в душе самого человека,

начиная с грехопадения Адама и Евы, борьба сил добра и зла происходит в душах людей и человек решает, кого ему поддерживать.

Закон Моисея начинается с того, что Бог, объявив свое имя, запрещает делать в его честь, какие бы то ни было изображения, таким образом, уничтожается материальная основа богочитания - идолопоклонство. Хотя это только первый шаг, но им утверждается образ Бога как духовной сущности - Всевидящей и Всезнающей. Он непогрешим и того же требует от людей, его невозможно обмануть, как это делали язычники со своими богами.

Духовное и материальное в этой религии тесно переплетены. Делается скиния, затем строится храм, в котором отводится место для «святая святых», мистического местопребывания Бога, но сам он не имеет изображения. Ритуалы поклонения, особенно жертвоприношение, хотя и сохраняют тесную связь с язычеством, но дополнены законом, который требуется выполнять, так как за невыполнение последует наказание. Большой интерес представляют и сами статьи закона. Вводится еженедельный день поклонения Богу. Древний мир знал праздники в честь богов, но еженедельный был, видимо, учрежден впервые. Запрет кражи как будто не несет ничего нового, за нее предусматривалось наказание в более ранних законах вавилонского царя Хаммурапи. Но последняя, десятая статья закона, запрещающая завидовать и желать чужого это совершенно новое положение, потому что она осуждает не действие, а намерение, таким образом, вторгается в духовную сферу. Является новым требованием почитать родителей, так как у многих народов отношение к старикам было далеким от почтения. Запрет прелюбодеяния в сочетании с широко распространенной проституцией, в том числе храмовой упорядочивал семейные отношения. И, наконец, запрет убийства, который подкреплялся законом «око за око, зуб за зуб» ограничивал насилие, делал возмездие неотвратимым.

Закон, который дал евреям Моисей, основывался на языческом насилии. Он не мог быть другим, так как вчерашние рабы, выведенные им из Египта, еще не доросли до понимания и выполнения каких-то духовных истин. Однако этот закон ставил предел такому насилию и оставлял открытой дорогу для нового духовного совершенствования человека. Недаром Христос говорит в Нагорной проповеди: «Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить». (Матфей 5:17)

2. Философская тема в учении Христа

Стало привычным, что упоминание о духовной жизни Востока, в первую очередь Китая и Индии, включает в себя как религию, так и философию этих народов. Более того, ученые ведут бесконечные дискуссии на тему: является ли конфуцианство или буддизм философией или религией? Христианской церкви почти две тысячи лет удается сохранить жесткую монополию на истолкование учения Иисуса Христа только в качестве религиозной доктрины, но не философии. Труды множества христианских ученых, считающихся философами, ограничены рамками церковных догматов и по своей сути являются больше теологическими, чем философскими.

Л.Н. Толстой, будучи великим мыслителем, попытался выйти за их пределы, но сразу же впал в ересь, так как дать философское толкование учению Иисуса Христа, сравнивая его с учением церкви, не впадая в еретические размышления, невозможно. В «Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевский также сделал попытку философского осмысления роли католической церкви, так как бывший каторжанин, переживший ужас приготовления к смертной казни, в силу своего «особого» положения перед цензурой не мог критично отзываться о православной, чтобы не прослыть еретиком, как и Л.Н. Толстой.

В наши дни православная церковь продолжает ревниво отстаивать свое монопольное право на истолкование учения Иисуса Христа, возможно, по этой причине в глазах современных ученых-философов христианство продолжает оставаться только религией. Они, как правило, не обращают внимания на философские аспекты в учении Христа, несмотря на то, что оно несет глубочайшую философскую основу, на идеях которой сформировалось гуманистическое мировоззрение современной европейской цивилизации.

Неприязнь христиан к античной философии имеет исторические корни. В период своего становления христианство столкнулось не только с преследованием со стороны Римских императоров, но и с неприязнью античных философов. В Деяниях Святых Апостолов упоминается о том, что по прибытии в Афины апостола Павла: «Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним; и одни говорили: «что хочет сказать этот суеслов?», а другие: «кажется, он проповедует о чужих божествах», потому что он благовествовал им Иисуса и воскресение». (Деяния 17:18)

Видимо по этой причине в Послании к Колоссянам Павел предостерегает: «Смотрите, (братия,) чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением...» (Кол 2:8) В этом предостережении Павла содержится глубокий смысл. На протяжении четырех веков после появления христианства стоицизм и эпикурейство в борьбе с ним пытались вдохнуть жизнь в умирающее язычество. Философия эпикурейцев вообще противоречила учению Христа. Эпикур отрицал бессмертие души, утверждал несотворенность и вечность вселенной, а боги, по его мнению, хоть и существуют, но находятся где-то в пространстве между мирами и совершенно не вмешиваются в жизнь людей. Современные ученые считают философскую школу эпикуреизма главным носителем идей материализма и атеизма в античности. Естественно, что подобная философия противоречила новой религии, согласно которой Сын Бога пришел к людям, чтобы спасти их.

3. Человек в учении Иисуса Христа

Иисус Христос противопоставляет всевластию необузданного исполина, дикаря-хищника, который благодаря своей силе держит в повиновении и страхе всех окружающих, для которого власть нужна для обладания богатствами и чувственными наслаждениями, образ совершенно другого человека, живущего по законам совести, основанной на божественной нравственности. Время такого языческого тирана в истории уже закончилось. Об этом говорит глубочайший символизм и мистицизм

истории христианства. Время рождения и детства Христа приходится на период величайшего расцвета Римского государства во время правления императора Октавиана Августа, а его казнь и тридцатилетие после нее совпадают с правлением самых отвратительных в безнравственном падении императоров: Тиберия, Калигулы, Клавдия, Нерона. Языческий мир словно демонстрирует, нарождающемуся христианству зловонный тупик, в который его завела погоня за материальными благами и сексуальными удовольствиями.

Ницше увидел тупик, в который заходил материалистический (неоязичный) человек под давлением развивающегося капиталистического монстра и не нашел ничего лучшего как взять своего «сверхчеловека» из дикого прошлого. Он не понял вопиющего различия между человеком из учения Христа и человеком из учения церкви. Это происходило по причине глубочайшего отвращения, которое воспитали Реформация и Просвещение к христианской церкви, представлявшие ее, а вместе с ней и учение Христа как сплошное мракобесие, обман или в лучшем случае заблуждение. Если хорошо поразмышлять, то можно явственно увидеть, что человек Христа – это действительно сверхчеловек, но не в смысле силы и жестокости, как представлял Ницше, а вершина духовной эволюции - высокообразованный интеллеktуал, живущий по законам божественной нравственности.

Попытаемся рассмотреть образ человека из учения Христа в сравнении с языческим идеалом.

1. Главными положительными качествами человека в глазах язычника были сила, умение воевать и убивать. На место их Христос ставит умение любить. Он говорит: «Возлюби ближнего, как себя самого». Более того он убеждает: «А я говорю вам: любите врагов ваших...»; «А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую». Враги Христа смеются над необходимостью подставлять другую щеку, да и многие его последователи не понимают этого. Только великие гуманисты XX столетия, такие как Махатма Ганди, в Индии и Мартин Лютер в США поняли то, о чем говорил Иисус Христос. А речь идет о непродуктивности насилия, что выход из любого конфликта нужно находить путем взаимного согласия. Конечно, такой образ действий часто очень труден и кажется невозможным, но Христос рисует идеал, к которому мы должны стремиться, и не его вина, в том, что люди в силу своей необразованности, алчности или других причин не хотят следовать его заветам. Он поставил перед нами сияющие вершины, а захотим мы на них подняться или нет, зависит уже от людей.

2. Сильный должен держать окружающих в страхе, иначе его перестанут бояться, а, значит, он не сможет властвовать и повелевать, поэтому он просто обязан не считаться с другими людьми и даже презирать их. Человек Христа своей целью ставит не доминирование, а служение людям. Он предписывает своим ученикам: *“Иисус же, подзвав их (учеников) сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими;*

Но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою;

И кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом;

Вместо подавления и угнетения людей Иисус провозглашает служение им. Он указывает и вершину этого служения: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». (Иоанн 15:13)

3. Христос производит переоценку ценностей. Богатство и власть являлись для язычника смыслом жизни, но у Христа этот смысл в другом: «*Горе вам богатые! Ибо вы уже получили свое утешение*» (Лк 6:24). *Не можете служить Богу и маммоне (богатству)*», (Лк 16:13),

“Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут. Но собирайте себе сокровища на небе...” (Мф 6:19-20). Цель сбора небесных сокровищ состоит в том, чтобы приблизиться в своем духовном состоянии к идеалу: ***“Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный” (Матфей, 5:48).***

Об этом же говорил Сократ. Его отравили, а Христа распяли.

4. Для язычника секс это продолжение наслаждения материальными благами, только вместо золота, украшений, богатых одеяний, замечательных лошадей выступают люди: мужчины и женщины, которыми он может наслаждаться и утолять свои самые разнузданные фантазии. При возможности он собирал многочисленные гаремы, состоявшие как из женщин, так и из мальчиков. Дети его начинали интересоваться только в качестве наследников. В них он находил удовлетворение своему эгоизму. В брачных отношениях господствует полигамия, а если существует моногамия как в Греции и Риме, то права женщины в ней ограничены, она обязана хранить верность, а мужчина оставляет за собой право решать, является ли новорожденный его ребенком.

Христос подобным отношениям положил конец. Во-первых, секс вне брака для него не существует: *«А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем»,* потому что в браке: *«... Оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает».* (Матфей 19:5, 6) Многие богословы, толкователи Нового Завета, как и большинство обычных людей, понимает под словами «и будут два одною плотью» мужчину и женщину, ставших необычайно близкими в результате любовного слияния, но у них возможно и другое толкование достаточно вспомнить о последствиях такой близости. Ребенок появляется в результате того, что двое в нем становятся одной плотью. Он соединяет в себе индивидуальности этих двоих. Много лет в католических странах, в которых были запрещены разводы, говорили об узах христианского брака, которые тяжким грузом ложатся на плечи, главным образом мужчин, мешая расторжению брака. Добиваясь разрешения свободы разводов, мало кто думал, о том, что делается в сердце маленького человечка, которое развод разрушает пополам. Из чьих интересов исходил Христос, когда говорил: *«А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведённой тот прелюбодействует.*

5. У язычников почитание богов приняло разнообразные культы и ритуалы. Но некоторые элементы были всеобщими: жертва, суеверия, магия, а самое главное языческие верования не требовали от человека самосовершенствования. До наших дней все магические ритуалы, в которых шаман или колдун обращается к потусторонним силам, предназначены узнать будущее и повлиять на него. Одни ритуалы дают колдуну возможность наслать на человека порчу, а другие изгнать ее. Все языческие культы предполагают овладение колдуном или шаманом властью над потусторонними силами и способностью повелевать ими. Шаманы рассказывают, что во время камланий они улетают в мир духов, где сражаются с ними, стремясь победить, чтобы добиться желаемого результата. Или обычай принесения в жертву богам человеческой крови и сердец у майя и ацтеков. Некоторые ученые восхищаются их гуманизмом по отношению к остальному человечеству, так как они делали эти изуверские жертвоприношения с целью заставить солнце всходить, тем самым давая человечеству возможность существовать. Но без особого напряжения мы видим в этом ужасном жертвоприношении стремление язычников влиять на силы природы, заставляя их делать то, что нужно жрецам. Эти примеры показывают, что культ силы и насилия живут не только в мировоззрении язычника, но явственно проглядывают в его религии.

Язычник еще не знает молитвы, которая у христиан является способом общения с богом. У ламаистов ее заменяет вращение барабана, с написанными на нем мантрами, что само по себе, верх рационализма. Жертва была главным средством общения с богами. Римляне в ознаменование особо важного события могли пожертвовать одновременно сто быков. Не трудно представить, сколько крови и нечистот оставалось после нее. Можно приравнять жертву к своеобразной форме торга, при котором человек покупает благоприятное расположение потусторонних сил.

Совершенно иному учит людей Иисус Христос. Он сокрушает языческие представления и нравственность одной фразой: *«Пойдите, научитесь, что значит: “милости хочу, а не жертвы?»* (Мф. 9:13). Иисус отменяет жертву в религиозном ритуале и заменяет ее милостью. Милосердие отличает верующего в Христа от язычника. Милость выше добра, правды и справедливости. *Справедливое воздаяние может быть очень жестоким, правда убийственной, а добро слепым. Милость же основана на прощении, сострадании и любви. Она исходит из понимания слабости человеческой природы. Если отношения между людьми построить только на справедливости без милости, то добра может не достаться никому.* Современное правовое государство, образцом для которого послужило языческое римское право, очень часто делает справедливость необычайно жестокой. У Христа милосердие нужно не Богу, а самим людям, так как он приравнивает служение людям к служению Всевышнему: *«Что вы сделали для братьев моих меньших, то сделали для меня».*

Христос впервые в истории почти за две тысячи лет до появления психологии как науки о свойствах психики человека говорит об особенностях феномена веры. В Евангелии от Матфея (17:20) он говорит

ученикам, что если они будут иметь веру величиной всего лишь «с горчичное зерно», то будут способны передвигать горы. А больных, которые просили исцелить их, он предупреждал: *«По вере вашей, да будет вам»*. Он утверждает, что истинная вера заключается не в формах и способах поклонения, поэтому: *«... Настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине»*. (Иоанн 4:23) Дух и истина – это внутренние составляющие веры, на которые способен только духовный человек.

Вера, которую Христос принес людям, отменяет всяческие суеверия. Еще Моисей в своем законе очень лаконично и жестоко выразился по отношению ко всевозможному чародейству: *«Ворожеи не оставляй в живых»*. (Исход 22:18)

6. Погоня за материальным успехом невозможна без сокрытия своих истинных намерений. По этой причине язычник не только хочет, но и вынужден скрывать правду, а, следовательно, лгать. Слабый лжет, чтобы избежать насилия, а сильный, чтобы обеспечить свободу действий. Христос положил конец такому поведению. Он говорит: *«Ещё слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы... А Я говорю вам: не клянись вовсе. Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх от этого, то от лукавого»*. (Мф. 5:33 -37 В законе Моисея содержится требование не лжесвидетельствовать, то есть не преступать клятвы, как мы понимаем клятва давалась, в каких-то особых случаях, а про обыденную жизнь не говорилось ничего, что давало повод лгать. Христос переворачивает заповедь Моисея наоборот, запрещая клясться, он вообще запрещает лгать.

7. Мы упоминали, что язычник не знает абстрактных понятий добра и зла. То и другое для него носят конкретный характер. Добром является все, что приносит ему пользу, а злом все, что наносит вред. У Христа понятие зла тесно связано с понятием греха и в конечном счете ведет к оценке человеком своего поведения. Его ключевая фраза, заставляющая человека думать о последствиях собственного поведения гласит: *«Всякий, делающий грех, есть раб греха»*. (Иоанн 8:34)

А теперь коротко охарактеризуем основные черты человека, данного в учении Иисуса Христа:

Во-первых. Христос в принципе отрицает насилие в отношениях между людьми, а на их место ставит любовь. Если в языческом обществе любовь как высокое духовное чувство была еще слабо развитой, то ко времени Христа люди оказались способными понимать и разделять это чувство. Христос считал основой любви умение прощать, быть милосердным и сострадательным. Иисус самым беспощадным образом разоблачает человеческие пороки, но при этом он призывает бороться не с людьми, а с их слабостями и недостатками. Он понимает, что человеческая натура слаба и не может самостоятельно справиться с мирскими соблазнами, поэтому необычайно высока роль прощения, прощая других, человек способен получить прощение и за свои прегрешения. Только взаимное прощение способно примирить сердца людей. Человек, не способный прощать других, не получит прощения сам.

Во-вторых. Страх, бывший доминирующим чувством в сознании человека по отношению к Богу, уступает место вере, основанной на любви. Религия страха в язычестве и религия силы у Моисея преобразуется в религию любви в учении Христа. Иисус указывает на роль веры как особого состояния человека, помогающего преодолевать любые трудности. Вера становится духовной составляющей личности человека. Она является одним из главных качеств, которое отличает человека от животного. Вера не может возникнуть на почве инстинкта или какого-либо физиологического процесса. Она может быть продуктом только душевной деятельности в сочетании с умственным напряжением и нравственной направленностью.

Лишь в XX столетии психологи всерьез начали изучать влияние веры на психику человека. В связи с этим привычные всем и даже затертые слова: НАДЕЖДА, ВЕРА И ЛЮБОВЬ в учении Иисуса приобретают особый смысл. Они становятся тремя основаниями нравственного фундамента, на котором происходит формирование личности. **Вера дает силы, надежда освежает душу, а любовь приносит человеку счастье.** Только любящий человек может творить доброе и прекрасное.

В третьих, учение Иисуса Христа направлено к душе человека, к его уму и совести. Для него все люди равны, независимо от их социального и имущественного положения. Причем не только равны, но и являются братьями между собой. В качестве примера он показывает самого себя. “Я пришел не судить людей, а послужить им и душу свою отдать за них”. При этом любовь распространяется не только на близких, но и на врагов. Служение людям приравнивается к служению Богу.

В - четвертых, немислимую до сих пор цель ставит перед людьми Иисус: “Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный” (Матфей, 5:48). Людям указывается цель, которая состоит в развитии, самосовершенствовании человека и устремлении его к идеалу. Этим идеалом является сам Всевышний.

Потрясает его высказывание: **“Царствие Божие внутрь вас есть”**, то есть человек своими поступками и верой создает в собственной душе и сердце рай или ад.

5. Новый человек в учении апостола Павла

Апостол Павел был первым из последователей Иисуса Христа, который блестяще сформулировал нравственную сущность его учения и показал, что оно рождает принципиально нового человека. В послании к Колоссянам он пишет: *«Итак умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостязание, которое есть идолослужение...»*

А теперь вы отложите все: гнев, ярость злобу, злоречие, сквернословие уст ваших;

Не говорите лжи друг другу, совлекшись (уподобившись) ветхого человека с делами его

И облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его,

Где нет ни Еллина, ни Иудея, ...варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос.

Итак облекитесь, как избранные Божиим, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение.

Снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил так и вы.

Более того облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства»¹.

Эта тема продолжается и в послании к Ефесеям:

«Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетности ума своего,

Они, дошедши до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытностью.

Но вы не так познали Христа,

Потому что слышали о Нем и в Нем научились, - так как истина во Иисусе,

Отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях,

А обновиться духом ума вашего

И облечься в нового человека, созданного по Богу в праведности и святости истины.

Посему, отвергнувши ложь, говорите истину каждый ближнему своему, потому что мы члены друг другу.

Кто крал, впредь не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся.

Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим.

Всякое раздражение и ярость, и гнев и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас;

Но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас»².

Павел делит историю человечества на две эпохи - время господства **«ветхого человека»** и предстоящий переход к **«новому человеку»**. Основными чертами «ветхого человека» являются: блуд, нечистота, страсть, злая похоть, любостяжание, идолослужение, гнев, ярость, раздражение, крик, злоба, злоречие, сквернословие, ложь, распутство - наиболее отрицательные проявления его животной сущности. Он пишет, что для перехода в новую эпоху **«необходимо обновиться духом ума вашего, и облечься в нового человека, созданного по Богу в праведности и святости истины»**. Ветхий человек, сохранявший свою животную сущность, должен духовно обновиться через истину во Иисусе, учение которого является единственно верным.

По мысли Павла для нового человека не существует этнических перегородок: *«Где нет ни Еллина, ни Иудея, ...варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос»*. Павел выносит приговор господству кровнородственных связей между людьми. Говоря: *«...Мы члены друг другу»*, подчеркивает их общность как единого организма и провозглашает духовное братство между последователями Христа. Указывая на равенство между иудеем, эллином, скифом, рабом и свободным он хоронит идею

избранности иудеев. А далее перечисляет новые мировоззренческие принципы, которые ложатся в основу новой нравственности: **«Милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение. Более того облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства».**

Он предписывает: **«Говорите истину, так как истина во Иисусе, будьте друг ко другу добры, сострадательны, снисходя и прощая, не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное»**

Апостол Павел подводит итог учению Иисуса Христа о духовном человеке, конкретизирует его черты, делая их понятными для последователей.

Литература:

1. Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Под ред. профессора А.П. Лопухина Новый Завет. М. 2006. Т. 1. С. 803.

2. Евангелие от Матфея. 11:28-30

3. Евангелие от Матфея. 9:11-13

4. Евангелие от Иоанна. 18:36

5. Павел. Послание к Колоссянам 3:5-14

6. Павел. Послание к Ефесянам: 4:17-32

7. Евангелие от Матфея 3:4

VII. «Новый человек» Христа в условиях Римской империи

1. Иисус Христос о своей миссии

В учении Христа человек предстает духовной сущностью с высоким интеллектом, живущим по законам божественной нравственности, апостол Павел назвал его «новым человеком». Тогда почему почти через две тысячи лет сначала нигилисты во главе с Ницше, а затем революционеры от Бакунина и Маркса до Ленина и Хрущева с таким ожесточением боролись с церковью и учением Христа, считая христианство религией рабов и слабых людей? Только Г.А. Зюганов после распада СССР стал называть Иисуса Христа первым революционером и разрешил принимать в партию верующих людей. Дело в том, что образ человека из учения Христа и учения христианской церкви не совпадают. Это разные люди. Почему так произошло, мы сейчас поговорим.

Начать необходимо с цели, достижение которой ставил Иисус Христос, начиная свою деятельность. О миссии Христа сообщает евангелист Лука в рассказе о том, как в синагоге Назарета он читал книгу пророка Исайи: «Дух Господень на мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу...». (Лк 4:18) В комментарии к Новому Завету профессора А.П. Лопухина¹ сказано, что упомянутые при чтении «нищие» - это угнетенные в материальном и духовном отношении люди, сокрушенные сердцем означают то же, что и плачущие, а пленные и слепые – невежды, пребывающие в духовном рабстве. Для церковных богословов стало традицией не вторгаться в сферу социальных отношений и уважаемый профессор очень аккуратно такие отношения обходит. Но мы позволим усомниться, что пленные и слепые это пребывающие в «духовном рабстве». Эпоха прихода Христа к

проповеди своего учения была временем установления императорской власти в Риме, которая покоилась на рабовладении – социальном строе, при котором подавляющее большинство населения, в том числе и граждан, теряли остатки имущественных и политических прав. Во времена империи плебеи, ранее бывшие значительной частью населения Рима и участвовавшие в управлении республикой, превращаются в презренный класс, живущий бесплатными раздачами хлеба и бесплатными зрелищами – смертельными боями гладиаторов. В обществе происходит резкая поляризация; с одной стороны император с обслуживающими его и государство сословиями, составлявшими немногочисленный слой населения, а с другой стороны неимущие сословия – рабы и плебеи, составлявшие подавляющее большинство населения.

Достигнув при императоре Августе вершины могущества и рассвета, империя вступает и в пору своего заката. Материальное могущество порождало духовную убогость, которая вела к погоне за удовольствиями, моральному разложению и деградации населения. Август первым увидел признаки разложения в потере интереса к религии, утрате значения семейных ценностей, сокращении рождаемости и попытался законодательными мерами предотвратить беду, но эти законы не имели должного эффекта.

В условиях, когда началось разрушение языческого мира, основанного на вере в важность материальных благ и превосходство сильных над слабыми, учение Христа давало выход из исторического тупика, обеспечивая появление новых более гуманных отношений между людьми. Да труд раба становился не выгодным, но самые великие умы античности Сократ, Платон, Аристотель, которые предсказали так много, не смогли преодолеть своей убежденности в незыблемости рабовладения. Эти великие умы, которым, как Платону, самому грозила продажа в рабство, а Диоген был вообще рабом, не могли принять положение о любви к ближнему, причем, ближний в понимании Христа это не только человек твоего рода, но и вообще человек даже враг. Такого язычество не могло понять.

Сообщение евангелиста Матфея о том, кого призывает Христос в качестве своих последователей, развеивают сомнения в социальной направленности его миссии: *Иисус же, услышав это, сказал им: не здоровые имеют нужду во врачах, но больные;*

Пойдите, научитесь, что значит: «милости хочу, а не жертвы»? ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию.

Лечить больное общество, призвать к покаянию грешников, так как во врачах нуждаются не здоровые, а больные – вот миссия Христа.

Итак, Иисус Христос в условиях надвигающегося кризиса язычества пришел помочь не сильным и облаченным властью, так как они не хотят никакой помощи, за исключением немногих, видящих царящую нравственную пустоту и греховность, независимо от того богатые они или бедные, а также всем трудящимся и угнетенным.

2. Первые христиане

Первые христиане, которые собираются в общины после смерти Христа, буквально восприняли его проповеди и стали претворять его учение в жизнь. Евангелия донесли до нас настроение высокого энтузиазма и духовности, царившие в этих христианских общинах, которые были очень демократичны. Их члены называли друг друга «братьями» и «сестрами». Христиане собирались вместе для молитвы и трапезы, имевшей священное значение. Они проповедовали святую бедность, осуждали стяжательство и собственность. Вот как об этом написано в Евангелии: *«У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее. Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа; и великая благодать была на всех их. Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду».*

Один из замечательных церковных писателей III века Тертуллиан (160-245гг.) в своём сочинении «Апологетика», написанном около 200 года в защиту христиан, писал: *«Соединённые в одно целое узами одной и той же веры, одной надежды, одной нравственности мы составляем одно тело. Мы собираемся для молитвы Богу; мы составляем ему приятный заговор; мы молимся за императоров, за их министров, за все власти, за настоящее мира сего, за тишину, за отложение конца света... Старейшие председательствуют: они достигли того не деньгами, но ручательством в испытанных достоинствах. Деньги не имеют влияния на такие дела; и если у нас находится нечто вроде казны, то нам не придётся краснеть за неё: она собрана не продажей религии. Каждый вносит ежемесячно умеренную сумму, если он того желает, и если хочет, и если может; никого не принуждают: это самое добровольное приношение; это взносы благочестия, которые не расточаются на пиры и распутство: на них питают бедных и хоронят ими облегчают участь сирот без состояния, слуг, переломленных старостью, несчастных, претерпевших кораблекрушение. Если находятся христиане, осужденные на работу в рудниках, содержащиеся в темницах или сосланные на острова, единственно за исповедание Бога, то они содержатся за счёт религии, которую они признали.*

Тем не менее есть люди, которые вменяют нам в преступление такое человеколюбие. «Посмотрите, - говорят они, - как эти люди любят друг друга»; да, а вы все друг друга ненавидите. «Посмотрите, как они готовы умереть один за другого»; да, а вы готовы один другого зарезать»...

Имея одно сердце и одну душу, можем ли мы быть против общего имущества? У нас всё общее, кроме жён; мы разделены именно только в этом отношении, а вы именно только в этом отношении не разделены. Вы производите, так сказать, обоюдный обмен супружеского права...». Такое отношение к братьям по вере делало христианскую церковь привлекательной для язычников, многие из которых вступали в неё, привлечённые перспективами помощи в случае нужды, болезни или старости, на которую они не могли рассчитывать среди язычников.

Образ жизни, как рядовых членов церкви, так и её иерархов можно охарактеризовать одним словом – аскетизм. Гиббон рассказывает, что испытывая свою веру и волю, африканские девственницы ложились в одну постель с братьями по вере, чтобы утром встать с неё такими же непорочными, как и вечером.

В отношениях с властями и окружающими первые христиане в буквальном смысле истолковывали заповеди Иисуса и закон Моисея, поэтому им было трудно выступать в суде, так как Иисус запретил клясться, вести торговлю, так как Моисей запретил давать деньги в рост, то есть заниматься ростовщичеством. Запрет на убийство и пролитие чужой крови ставил христиан в условия незащищённости от нападений злоумышленников. На фоне морального разложения и деградации римского общества первых веков н.э. моральный дух и нравственные отношения между христианами производили на язычников неизгладимое впечатление, вызывая у них самые противоречивые чувства, от любопытства и желания примкнуть к христианам до звериной ненависти, толкавшей их на самые жестокие преследования последователей новой религии.

В кругу членов первых христианских общин вызревал не только новый человек, но и новое общество, которое своим образом жизни вызывало у окружающих совершенно противоречивые чувства; одни хотели жить подобным образом, а другие испытывали к христианам звериную злобу.

3. Возникновение христианской церкви

В Палестине, Сирии, Малой Азии, Риме и Италии появляются сначала небольшие, но очень активные общины христиан. Апостол Павел является создателем христианской церкви, так как в его посланиях заложены основы её организационного построения. Необходимо отметить, что Евангелия достаточно подробно излагают духовно-нравственное учение Иисуса Христа, но кроме слов: «...Ты Петр (греч. камень), и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах.» (Мф. 16:18-19) - об устройстве церкви ничего не говорят. (Эти слова послужили основой для безграничной власти Римского папы). Некоторые учёные придерживаются мнения, что апостол Павел искажил учение Иисуса Христа, приземлил и материализовал его высокую духовную сущность.

Как считают христианские учёные, первая христианская община сложилась в Иерусалиме в 35 году. Судя по сообщениям Евангелия, вслед за Иудеей общины возникли в Финикии, на Кипре и в Сирии, в Дамаске. Примечательно, что в Антиохи в христианскую общину впервые были привлечены эллины, а в Риме христиане создали свою общину уже к 60 году. Привлекательность новой религии была вызвана не столько особенностями нового культа, сколько атмосферой братства, царившей внутри общины между верующими и их отношением к окружающим людям. Первые века церковь была очень демократична, она не знала особой иерархии.

В первых христианских общинах не было разделения на клир и мирян. Появление должностных лиц произошло еще при жизни апостолов, которые

предложили избрать семерых человек (названных дьяконами) для попечения «о столах» то есть братских трапезах, которые проводились после молитвенных собраний. Во вновь образованных общинах верующие сами избирали должностных лиц, которые следили за поддержанием порядка и проведением обрядов и организационных мероприятий. Этих людей вначале называли пресвитерами, а затем епископами. Первоначально эти названия означали одну и ту же должность, на которую назначалась наиболее уважаемая по возрасту и мудрости личность. Постепенно слово пресвитер, означавший – старейшина перестало означать главу крупной церковной общины, а оставалось только за главой местной сравнительно небольшой. Глав крупных региональных общин, разделённых на более мелкие стали называть епископами, что значит надзиратель, блюститель. Епископы, избранные на эту должность в конце первого века даже помышлять не могли, какой станет власть епископов через несколько столетий. В течение ста лет после смерти апостолов каждая община представляла независимую республику, которая поддерживала связи с другими. В конце второго века церковные общины начали проводить соборы верующих и церковных должностных лиц одной провинции, которые стали назначать региональных епископов, а соборы получили название «поместных».

После смерти пророков, с конца первого века, христианская церковь стала руководствоваться в своей деятельности законами социального организма. Для собственного процветания церковь просто обязана была стремиться к приумножению своих материальных возможностей, источником которых были богатства: земля, движимое и недвижимое имущество и, конечно же, деньги. Ещё в период существования Западной римской империи церковь добилась права владения землёй, которая переходила в её собственность в результате пожертвований. Уже в конце III столетия церкви Рима, Милана, Карфагена, Антиохи, Александрии и других больших городов стали богатыми и владели большими участками земли. Распоряжались этими богатствами люди, которые уже отошли от традиций аскетизма и бедности. *«Епископ был поверенным церкви; общественные капиталы были вверены его попечению без всякой отчётности или контроля... Некоторые из этих нечестивых церковных поверенных расточали церковные богатства на чувственные наслаждения, некоторые другие употребляли их на цели личного обогащения и на мошеннические предприятия или давали их займы под хищнические проценты. Но пока денежные взносы христиан были добровольными, злоупотребление их доверием не могло часто повторяться, и вообще, то употребление, которое делалось из их щедрых пожертвований, делало честь обществу. Приличная часть откладывалась на содержание епископа и его духовенства; значительная сумма назначалась на расходы публичного богослужения, очень приятную часть которого составляли братские трапезы. Всё остальное было священной собственностью бедных. По благоусмотрению епископа она расходовалась на содержание вдов и сирот, увечных, больных и престарелых членов общества, на помощь чужестранцам и странникам и на облегчение страданий заключённых и пленников особенно в тех случаях, когда причиной их страдания была их твёрдая преданность делу религии» -*

писал Гиббон. Вошло в традицию, что богатые церкви постоянно оказывали материальную помощь более бедным приходам.

В III в. н. э. в христианстве возникает особый путь духовного спасения - путь полного отрешения от мира с его соблазнами - монашество (от слова "монос" - "одинокий"). В монастырях иноки жили совместно, иногда даже в одном помещении, подчиняясь установленным для всех правилам. Общиной управлял (а не просто руководил отдельными учениками, как в скитском иночестве) настоятель. И в монастыре, и в отдельном скиту монах должен был чувствовать себя человеком, умершим для окружающего мира. Он не имел никакой собственности, жизнь его отныне состояла главным образом из молитв или аскетических подвигов. В монастырях к тому же обязательным были полное подчинение настоятелю и исполнение обязанностей по поддержанию хозяйства монашеской общины. Монахам предписывалось почти полное молчание. Строгость монашеской жизни, сосредоточенность монахов на духовном спасении, их приверженность христианству привели к тому, что большинство святых христианской церкви, прославленных праведной жизнью и посмертными чудесами, являлись монахами. Суровый аскет, противостоящий соблазнам окружающего мира и являющийся образцом нравственного поведения – вот духовный облик монаха.

4. Героический период в истории христианства

Будущие апостолы, которые по свидетельству Евангелий в момент его ареста и казни растерялись и вели себя не достаточно мужественно, в последствие преобразились и стали примером для будущих поколений в проповеди и защите учения Иисуса. Из двенадцати апостолов только Иоанн дожил до глубокой старости. Все остальные приняли смерть, проповедуя учение Христа. (В Евангелии рассказывается, что двенадцатым апостолом на место повесившегося предателя Иуды был избран Матфей. О нём больше ничего не известно. Деяния. 1:15:26). Предание рассказывает, что наиболее известные из апостолов Пётр и Павел встретились в Риме на пути к месту казни, где Павел был обезглавлен, а Пётр распят, именно поэтому многие храмы позднее были названы двойным именем: «Петра и Павла».

Первое гонение на христиан со стороны язычников-римлян произошло при императоре Нероне в 64 году. Поводом для гонений послужил пожар, уничтоживший большую часть города. Молва обвиняла в поджоге Рима самого Нерона, который писал в то время поэму о гибели Трои и для воссоздания необходимой психологической атмосферы, способствующей поэтическому вдохновению, приказал его поджечь. Когда большая часть Рима сгорела, и население зароптало, желая успокоить горожан, Нерон обвинил в поджоге христиан. На них обрушились жесточайшие гонения. Христиан зашивали в звериные шкуры и бросали на растерзание псам, распинали на крестах, обмазывали смолой и сжигали. Даже сами язычники, привыкшие к кровавым зрелищам, содрогались при виде страданий жертв.

Императоры, приходившие к власти после Нерона, продолжали преследовать христиан. Сильнейшие гонения, во время которых погибли тысячи христиан, прошли в царствование императоров Домициана (81 - 96), Траяна (98 - 117), Марка Аврелия (161 - 180), Деция Траяна (249 - 251),

Диоклетиана (284 - 305). Но репрессии не сокрушили христианскую церковь. В самый разгар гонений в Риме продолжала существовать община, а римский епископ как наследник апостола Петра стал признаваться одним из самых авторитетных церковных иерархов.

Спасаясь от преследований, христиане в буквальном смысле уходили под землю в катакомбы, которые простирались на сотни километров и представляли собой подземные галереи шириной 2-3 метра и высотой от 1,25 до 1,75 метра. Катакомбы естественного или искусственного происхождения сохранились до наших дней под Римом. Подобные подземные города имелись в Александрии, Неаполе, Сиракузах и других городах Римской империи. По подсчетам христианских ученых в них захоронено от 2 до 7 миллионов христиан, спасавшихся от язычников. Римские императоры рассматривали христиан как врагов и изменников, так как они отказывались в праздничные дни совершать жертвоприношение в храмах перед статуями богов и императора даже под страхом смерти.

Первый историк христианской церкви Евсевий Кесарийский (Памфил) (264-340 гг.) приводит свидетельства травли христиан, передающие атмосферу того времени. *«Преследование у нас началось не с царского указа, а на целый год раньше, когда какой-то пророк и виновник бедствий этого города – кто бы он ни был – стал возбуждать и натравливать на нас языческую толпу, разжигая их родное суеверие. Подученные им язычники решили, что всякое злодеяние им дозволено и что благочестивое почитание демонов требует одного – убивать нас. Первым они схватили старца Метру и приказали ему богохульствовать; он отказался, его стали бить палками по телу и колоть острым тростником лицо и глаза, затем вывели за город и пбили камнями. Верующую женщину, именем Квинту, привели в капище и заставляли кланяться кумирам; она с отвращением отворачивалась; ей связали ноги и протащили через весь город по острым камням мостовой, бичевали, толкали на мельничные жернова и, приведя туда же, куда Метру, убили. Затем все единодушно устремились на христианские дома; каждый врывался к знакомым и соседям, тащил и грабил. Вещи подороже забирали себе, дешевые и деревянные выбрасывали и жгли на улицах; казалось город взят неприятелем...»*

Нам не было проходу ни на людных улицах, ни в переулках, ни днём, ни ночью; всегда и всюду все кричали: кто не произнесёт слов мерзостных, сейчас же его в костёр».

Далее Евсевий Памфил рассказывает о случае поголовного уничтожения христиан: *«Маленький фригийский городок, населённый христианами, окружили солдаты и сожгли его дотла вместе с женщинами и детьми, взывавшими к Богу Вседержителю, сожгли потому, что все жители города: сам градоправитель, военачальник с прочими магистрами и весь народ – исповедовали себя христианами и не послушались приказа поклониться кумирам».*

Гонителям было мало обвинить христиан в нелояльности к императору и отречении от языческой веры, они стремились приписать им чудовищные пороки. Памфил пишет, что мучители пытками требовали свидетельских показаний против христиан, обвинявшихся в «Фиестовых

пирах и Эдиповых связях», то есть в поедании младенцев и кровосмесительных связях между детьми и родителями.

Указывает Памфил и на враждебные отношения между христианами и иудеями. Вот как описывает он казнь святого Поликарпа: *«Тогда решили единодушно кричать, чтобы Поликарпа живого сжечь... Немедленно толпы людей наносили дров и хвороста из мастерских и бань; особенно старались по своему обыкновению иудеи».*

На раннем этапе христианства в общинах начал формироваться новый человек, для которого не существовало материальных или чувственных соблазнов. Общины стали демонстрировать совершенно новые, неизвестные ранее отношения, в которых господствовали любовь к ближнему, забота о больных, убогих и немощных, широкая демократия во внутренних делах, авторитет должностных лиц покоился не на авторитете должности, а авторитете совершенных ими добрых дел. По этим причинам отношение к христианам носило двоякий характер. Одна часть населения его горячо поддерживало и за триста лет оно проникло во все уголки необъятной империи, а другая часть во главе с императорами не верило христианам и жестоко их преследовало. Множество легенд, дошедших с тех времен рассказывают, как христиане предпочитали смерть отказу от веры и с пением религиозных гимнов шли на казнь, которая проводилась, как правило, при большом стечении народа. Их травили зверями или просто жестоко убивали, но вид их мужественной смерти вдохновлял других людей становиться христианами. В наши дни находятся «историки» христианства, которые пытаются доказать, что гонения на христиан были преувеличены, но мы знаем, как подобные люди извращают совсем недавнюю историю России, доказывая, что в ней не было подвигов народа и православной церкви.

6. Превращение христианства в государственную религию

Приход к власти императора Константина (285-337), названного христианами «Великим» изменил их положение. Легенда рассказывает, что перед решающей битвой, которую он вел со своими соперниками за императорскую власть, ему было дано знамение в виде креста со словами «сим победишь». Константин пошел в бой под знаменем с символами Христа и выиграл его. В 311 г. императоры-соправители Константин и Галерий издали эдикт, по которому христианская вера признавалась законной и гонения на христиан запрещались. В эдикте было сказано: *"Позволяем христианам оставаться христианами и строить дома для своих обычных собраний. За такое наше снисхождение христиане должны молить своего Бога о нашем здравии, о благосостоянии общественном и о своем собственном"*.

В 313 г. появился "Миланский эдикт", подписанный императорами Константином и Лицинием, в котором говорилось: *«Пусть каждому будет дано право отдать свои помыслы тому богослужению, какое он сочтет для себя подходящим; отныне пусть каждый свободно и просто соблюдает избранное им христианское богослужение без всякой помехи».*

В дальнейшем Константин освободил христианских пресвитеров (руководителей общин) от налогов и военной службы, побуждал знать к

строительству церквей, сделал христианство религией своего двора и издал призыв ко всем гражданам империи принять христианство.

Желая упрочить влияние христианства и порвать с языческой аристократией, он переводит столицу в город Византий, располагавшийся на европейском побережье Мраморного моря, который по его имени стал называться Константинополем, где строит церкви и заказывает для них у самых искусных художников 50 Библий. Константин делает воскресенье выходным днем, предназначенным для богослужений и свободным от обычной работы. Христиане-солдаты получают возможность свободно посещать церковь. С приходом христианства бои гладиаторов, убийства нежеланных детей, распятие на кресте, как форма казни были отменены.

Преимущественное положение христианства перед другими религиями подчеркнул эдикт императора Константина в 324 г. А уже в следующем, 325 г. по его инициативе в Никее был созван первый всеобщий собор христианских церквей, получивший название Первого Вселенского собора. Созыв собора, который открыл император, знаменовал о превращении христианства в государственную религию.

Константин поддерживал христианство, в первую очередь, потому что был выдающимся политиком, видевшим могучую силу молодой религии, способной вдохнуть новую жизнь в дряхлеющее и распадающееся римское государство. Он не ошибся, благодаря ему, Восточная Римская империя - Византия просуществовала еще целое тысячелетие.

Превращение христианства в государственную религию, коренным образом изменило отношения между христианами и язычниками. Христианство руками империи начало преследовать своих вчерашних врагов язычников и оформлять организационно и догматически свой религиозный культ. Инициатором укрепления единства новой церкви выступил сам Константин Великий. А теперь порассуждаем, как повлияло вмешательство Константина в дела религии на людей того времени.

7. Последователь Христа или подданный императора

Мы только что упоминали о миссии Христа, о том, что он призывает к себе трудящихся, угнетенных, грешников, а в Нагорной проповеди в заповедях блаженства называет блаженными, то есть идеальными людьми, с которых должны брать пример остальные люди: *алчущих и жаждущих правды, милостивых, чистых сердцем, миротворцев, изгнанных за правду.* Он говорит: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за меня». (Матфей 5:11) Обратим внимание на следующие качества таких людей: ***алчущие и жаждущие правды и изгнанные за правду.*** Изгнание из общины в те времена было тяжким наказанием, так как человек терял опору в лице родных и друзей их поддержку и помощь. Человек, который отстаивал правду и был изгнан за это, находился в явном меньшинстве, так как только большинство имеет возможность изгонять. Для того чтобы быть способным пойти против большинства нужно было быть смелым и бескомпромиссным борцом, каким был сам Иисус Христос. Но уже в посланиях Павла виден его оппортунизм, отход от позиции бескомпромиссного следования истине. Его портрет нового человека, как будто бы повторяет предписания Христа ***«облекитесь в любовь,***

которая есть совокупность совершенства», и называя далее такие качества как *«смиреномудрие, кротость, долготерпение»* он подменяет стойкого борца терпеливым рабом. А его вывод о том, что: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены». (Павел. К римлянам 13:1) был величайшим шагом в сторону императорской власти, который позволял иерархам молодой христианской церкви идти на компромисс с ней, а через два с половиной столетия после казни Павла дал возможность императору Константину установить над церковью свой контроль.

Об отношениях с властью у Христа есть всего одна фраза, которая гласит: «...Итак отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу». (Матфей 22:21) Христос подал заразительный пример стойкости и бесстрашия во время суда и пыток, который позже вдохновил многие тысячи христиан на мужественное принятие истязаний и смерти. Его казнили как раз за противостояние с властями. Кем были фарисеи, которых он так страстно и беспощадно обличал, как не представителями высшего органа самоуправления Иудеи – Синедриона. Поведение Иисуса Христа на суде Синедриона и Пилата демонстрировало его духовное превосходство над судьями.

Несгибаемый последователь любой религии, а тем более духовно-нравственного учения высочайшего уровня был не нужен императору Римской империи. Ему был нужен послушный и управляемый подданный, а в условиях рабовладельческого строя – покорный раб. Гениальность Константина заключена в том, что он увидел потенциальную возможность укрепления императорской власти при помощи новой религии. Но человек из учения Христа ему не подходил, его было необходимо изменить и сделать управляемым. О том, где церковь взяла нужного императору человека, поговорим далее.

Литература:

1. Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Под ред. профессора А.П. Лопухина Новый Завет. М. 2006. Т. 1. С. 803.

2. Евангелие от Матфея. 11:28-30

3. Евангелие от Матфея. 9:11-13

4. Евангелие от Иоанна. 18:36

VIII. Константин и церковь

1. Учение Христа, императорская власть и рабовладельческое общество

При внимательном чтении Евангелия и сопоставлении его с реалиями того времени: господством в обществе и государстве культа силы и насилия, рабовладением, стремлением к материальным благам, деспотической властью императора, возникает удивление и восхищение перед гением Константина, который не побоялся опереться на религию, противоречившую социальному устройству государства и самой императорской власти. Эта религия утверждала «горе вам богатые», а когда к Христу обратился юноша с просьбой принять его учеником: «Иисус сказал ему: если хочешь совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Услышав слово сие,

юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение. Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное. И еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие». (Матфей 19:21-24) Этими словами Христос отлучает богатых от своего учения и религии. Более того, Христос отрицает и принцип господства над народом, являвшийся сутью императорской власти и способом управления империей. Он говорит: «Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; Но между вами да не будет так; а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; И кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; Так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих». (Матфей 20:25-28)

Константин нашел единственно верный путь для того, чтобы скрыть революционный характер учения Христа и сделать его приемлемым для использования императорской властью. Путь этот заключался в использовании христианством постулатов иудаизма, которые ничем не противоречили императорской власти и социальным отношениям в империи. Возникает вопрос, а почему бы вместо такой острой религии, каким было христианство, не принять иудаизм? А это было невозможно, потому что иудаизм являлся религией избранности одного народа из всех остальных. Он не мог быть распространяемым среди не евреев.

2. Иудеохристианство

Современные религиоведы под иудеохристианством понимают христианские общины, существовавшие в первые века после образования христианства и состоявшие из иудеев, соблюдавших закон Моисея, выполнявших его ритуалы, вплоть до обрезания и пищевых ограничений, но считавших Иисуса Христа воплощением мессианских пророчеств. В рассмотрении нашей проблемы об эволюции представлений о человеке, нас не устраивает такое понимание иудеохристианства, так как оно страдает односторонностью в рассмотрении связей между христианами и иудеями, так как подобные общины по своей сути иудейские с примесью христианства. Иудейские представления о человеке существовали задолго до рассматриваемых событий, и христианство на них особого влияния не оказало, но оно было, однако это тема отдельного разговора. Мы идем от противного и рассматриваем влияние иудаизма на христианство, так как Константин не мог поддерживать иудаизм с примесью христианства. В империи преобладали эллины и другие язычники, принявшие христианство и бывшие враждебными иудеям.

Первая община христиан возникла в Иерусалиме после распятия Христа. Синедрион не мог спокойно смотреть, как набирает силы и привлекает новых сторонников религиозное учение, противоречащее иудаизму. По его наущению вскоре началось первое гонение на христиан. Фарисей по имени Савл (будущий апостол Павел) прославился своим участием в этом гонении. Закончив преследовать христиан в самом Иерусалиме и Иудее, он отправился в Сирию, чтобы продолжить гонения в городе Дамаске.

Несмотря на первое гонение, в течение нескольких десятилетий после возникновения, христианство продолжало существовать внутри иудейской религии. Христиане собираются на моления в Иерусалимском храме и синагогах других городов, пользуются иудейскими священными книгами, следуют ритуалам их религии. *«На первых порах христианство проповедовалось евреями среди евреев как реформированный иудаизм. Св. Иаков и в меньшей степени св. Пётр хотели, чтобы христианство дальше этого не пошло, и их точка зрения могла бы возобладать, если бы не решительная позиция св. Павла, который высказался за то, чтобы принимать язычников в христианские общины, не требуя у них обрезания и подчинения Моисееву закону. Неудобными были также обрядовые законы относительно пищи. Одних этих двух препятствий, даже если бы не было никаких других, было бы достаточно, чтобы сделать почти невозможным превращение иудаизма в мировую религию. Христианство (и этим оно обязано св. Павлу) сохранило то, что было привлекательным в доктринах евреев, отвергнув в то же время те черты, принять которые язычникам было труднее всего».* Писал знаменитый философ XX столетия Бертран Рассел.

В течение первых веков римляне постоянно путают христиан с иудеями. Причин путаницы было достаточно: общие богослужебные книги, Танах или Библия, религиозные праздники и многие другие заимствования христиан из иудаизма. Единого Евангелия, признаваемого всеми христианами, ещё не существовало. Они в это время пишутся, причём в большом количестве, разными авторами и в разных землях.

Всё это привело к тому, что христианство переняло от иудаизма многие ветхозаветные черты. Сложилась интересная ситуация. У новой религии был совершенно новый взгляд на человека, новые принципы отношений между людьми, которые несли за собой создание нового мировоззрения, из которого вытекала и новая нравственность, ниспровергающая культ силы и устанавливающая господство любви. Но взятая из иудаизма вместе с Ветхим Заветом мораль противоречила новому мировоззрению. Вместе с тем для вчерашних язычников, принявших христианство, именно идеи Ветхого Завета были близки и понятны, а идеи Христа в чистом виде до наших дней многими не принимаются. Таким образом, Ветхий Завет явился очень удобной упаковкой, в которую было надёжно завернуто учение Иисуса Христа, потерявшее при этом весь свой революционный пафос. Образ «нового человека», данный Христом в Евангелиях, и так ярко описанный апостолом Павлом затушевывался и «ветхий человек» продолжал спокойно жить.

Постепенно внешние противоречия между двумя религиями нарастают. После первого гонения на христиан, предпринятого иудейскими священнослужителями, следующим шагом к разрыву отношений было убийство брата Иисуса Христа Иакова. По церковному преданию у земного отца Иисуса Христа Иосифа были дети от первой жены, которая умерла до его женитьбы на Марии – матери Иисуса.

В ходе Иудейской войны продолжавшейся с 66 по 73 гг. началось окончательное разделение иудейской и христианской религии. Евреи, члены

первых христианских общин, восприняли войну с Римской империей, захват Иерусалима и разрушение храма как исполнение пророчеств Иисуса Христа, за что защитники города стали считать их предателями.

Во время восстания Бар – Кохбы (132-135 гг.) отношения между евреями и христианами стали открыто враждебными. Бар-Кохба, поддержанный еврейскими священниками, объявил себя мессией и потребовал от христиан признать это. Так как большинство из них отказывалось отречься от Иисуса Христа, то он их казнил. После подавления этого восстания начинается открытая вражда между иудеями и христианами, но их религиозная преемственность и культовые связи никуда не делись в религиозных ритуалах, символике видно несомненное сходство.

Бертран Рассел, исследуя связь христианства с иудаизмом, нашел, что эти две религии сохраняют теснейшую преемственность в следующих вопросах: *1. Священная история, которая в виде Ветхого Завета, имеющего глубочайшие пережитки языческого мировоззрения, нравственности, психология и традиции берется из иудаизма и без какого-либо критического анализа переносится в христианство. 2. Вера в избранный народ, которым для евреев были они сами, а христиане на эту роль поставили себя. 3. Новая концепция праведности, которую дает не жертва, а добродетели. 4. Закон. Христиане сохранили нравственную часть древнееврейского закона - десять заповедей, отвергнув в то же время его обрядовую и ритуальную части. 5. Мессия. Коренное различие между христианством и иудаизмом заключается в непризнании евреями Иисуса Христа. Это тот водораздел, который разделяет обе религии. Непризнание Христа сопровождается и отрицанием его учения. 6. Царство небесное. В еврейской и христианской доктринах иной мир понимался не как нечто метафизическое отличное от мира сего, а как будущее, когда добродетельные будут наслаждаться вечным блаженством, а уделом порочных явятся вечные муки».*

В настоящее время под влиянием Александра Меня сложился взгляд, что иудеохристианства как особого направления религиозной мысли не существует. Это спорное положение, так как многие протестантские течения, прикрываясь христианским названием, главный упор делают на проповеди Ветхого Завета, а не учения Христа.

3. Возникновение ересей

Задача, которую поставил Константин по смягчению революционного пафоса учения Христа, путем соединения его с иудаизмом, облегчалась тем, что иудеохристиане вызвали противодействие со стороны противников иудаизма, поэтому в церковных спорах Константину достаточно было поддержать тех, чья позиция была ему ближе. К IV веку, когда церковь начала богатеть, среди церковных епископов было достаточно таких,¹ которые тоже тяготились и испытывали неудобства от слишком острых высказываний Иисуса Христа.

Несомненную связь Нового и Ветхого Завета, христианства и иудаизма, которая во многом противоречила учению Христа, видели не только философы Нового и Новейшего времени, её явственно различали и современники. Ещё до возникновения христианской религии, на Востоке среди самих иудеев было достаточно много людей, выступавших против

Бога Ветхого Завета, которых позднее назовут еретиками, а их учения ересями, то есть отклонением от общепризнанных религиозных догматов. Ветхозаветный Бог не вызывал симпатии у многих, в первую очередь у гностиков.

Гностицизм и его влияние на христианство.

Основой еретических учений стал гностицизм (от слова "гнозис" - "знание"), представлявший собой причудливую смесь христианских взглядов, отдельных положений эллинской философии, догматов зороастризма и манихейства. Самые ранние формы гностицизма на основе христианства возникли еще в I в. н. э., как только оно стало распространяться вне иудейской среды, а во II - III вв. н. э. возникли целые гностические богословские системы. Характерной чертой всех гностических учений было отвращение к существующему миру, к материи как таковой. Из философии Платона и его последователей одни гностики позаимствовали определение материи как мертвого, безжизненного, косного хаоса. Другие гностики, развивая отдельные взгляды зороастрийцев, предпочитали видеть в материи живое, деятельное, но злое начало, противостоящее Богу. Бог в гностицизме, несмотря на использование последователями этого учения христианских терминов, понимается отлично от Божественной Троицы.

Русский философ конца XIX столетия Сергей Трубецкой, исследуя происхождение гностицизма, писал, что *«существование дохристианского гностицизма среди евреев признается всеми»*. Он отмечал, что у дохристианских гностиков была развита *«оппозиция против всей ветхозаветной веры, против самого Бога Ветхого Завета. Силы Божии, силы небесные не только обособлялись от Божества как особые миры или зоны, но прямо противопоставались Ему. Бог закона или демиург (демиург - греч. работающий для народа) был признан ложным богом, а змей, давший вкусить плодов познания, явился носителем истинного гнозиса»* Так С. Трубецкой раскрыл происхождение современного сатанизма. Однако в гностицизме кроются истоки и других мировоззренческих представлений. *«Магия была распространена во всем древнем мире и помимо еврейства; мало того, сами евреи учились ей у халдеев и египтян, которые считались особенно сведущими по этой части. В период разложения язычества магия процветала более чем когда-либо. Но замечательно, что именно на почве еврейства она развилась в особую форму религии – в гностицизм...В монотеизме, наоборот, между религией и суеверием, между культом и магией не могло быть компромисса; в чистой религии закона, в вере Моисеевой, суеверие не могло найти себе пищи, и потому в своем развитии оно должно было вести к отступничеству – к культу мудрого змея. Отсюда и объясняется, что, несмотря на всеобщее распространение, суеверие, гностицизм как особая религиозная форма мог зародиться лишь в монотеистической среде, которая как бы выделила его из себя. Отсюда объясняется и дуалистический характер гностицизма, и его тенденция богоборства, выражающаяся как в его борьбе с демиургом и архонтами (Архонты («начальники», «правители») Сатана получает характерное наименование «архонт этого мира» (в традиционном переводе – «князь мира сего»))»*.

Трубецкой писал, что гностицизм дал основы ангелологии и демонологии, учению о семи небесах, присвоил имена стихиям и небесным светилам, заложил основы астрологии. Гностицизм в том виде, в каком о нем сообщает С. Трубецкой, является модернизированным вариантом язычества, соперничавшим с укрепляющимся христианством и наносившим ему существенный вред.

Маркионизм

Одной из ранних ересей, отказывающей Богу Ветхого Завета в благодати стал маркионизм, основанный Маркионом Синопским в период 100-155 гг. н.э. Согласно учению Маркиона, ветхозаветный Бог не обладает свойствами всемогущества, всеведения и всеблагодати. Свойство благодати принадлежит Богу Нового Завета, живущему на третьем небе и посланному в грешный мир своего посланца Иисуса Христа. Ветхозаветный Бог является демиургом-творцом мира. Маркионизм являлся ярким врагом иудаизма, что отражало отношения между христианами и иудеями того периода. Маркионизм пессимистически относился к миру, считая человека не заслуживающим спасения. Маркионисты тяготели к мученичеству и аскетизму.

Монтанисты

На практике идеи о греховности материального мира и стремление осуществить переход в мир иной пытались осуществить последователи Монтана, руководителя секты, которая появилась в середине второго века и была названа по его имени *монтанистами*. Историк писал: *“Как и в раннем христианстве были забыты и брак, и родительские обязанности, имела место общность имущества, и сосредоточенный аскетизм подготавливал мятущуюся душу к встрече с Христом. Когда около 190 года римский проконсул Антоний организовал гонения на христиан в Малой Азии, сотни монтанистов, стремившихся попасть в рай, толпились перед его трибуналом и искали мученической смерти. Он не мог удовлетворить желания сразу всех; некоторые были казнены, но большинство было отпущено со словами: “Жалкие создания! Если вы желаете смерти, то разве недостаточно веревок и обрывов?”*

Встает вопрос, почему ранние еретические движения поголовно заражены духом отрицания добра и господством зла в мире. Ответ представляется следующим. Миллионные массы бедноты, измученные произволом властей империи, ждут избавления. Учение Христа, с которым он пришел к людям, называлось Евангелие – Благая весть, но что же случилось с самим вестником? Его распяли. Нужно отметить, что для всех еретических движений, кроме сатанистских, Христос – олицетворение добра и любви. Люди ищут ответ на вопрос, почему носитель света, добра и правды погиб? Кто мог помешать сыну Божьему, и находят свой ответ. Виной всему Сатана, за спиной которого стоит Иегова – Бог Ветхого Завета.

По этой причине среди членов христианской церкви с момента её возникновения появляются еретики - противники Ветхозаветного Бога. Описанные в Ветхом Завете действия Иеговы: Всемирный потоп, десять казней египетских, предписанное им поголовное истребление населения захватываемых палестинских городов позволяло отказывать ему в благодати.

На фоне, провозглашаемых Иисусом Христом в Евангелиях принципах любви, сострадания, милосердия и прощения, нравственные принципы Бога Ветхого завета часто не вписывались даже в те десять заповедей, которые он дал Моисею. Мироззрение ветхозаветного и новозаветного человека были непримиримы.

Однако учение Иисуса Христа, изложенное в Евангелиях, без соединения с законом Ветхого Завета никогда бы не стало государственной религией. Оно было слишком радикально и революционно. Как можно было богатых заставить верить в Бога, который говорит: «...Горе вам, богатые! Ибо вы уже получили своё утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете». (Лк 6:24-25) «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие». (Мф 19:24) Этими словами Иисус отлучает от своей церкви богатых. Надо полагать, что отцы церкви это прекрасно понимали, и на помощь призывают Ветхий Завет, чтобы с его помощью прикрыть кричащий радикализм Нового Завета. Истории Ветхого Завета о праотцах еврейского народа, которые были племенными вождями, о царях евреев Давиде и Соломоне вообще не рассматривают проблем социального неравенства.

Использование Ветхого Завета делается вопреки предупреждению Христа о том, что новое учение нельзя втискивать в старые формы и рамки, о чём он неоднократно предупреждает в Евангелиях: «И никто к ветхой одежде не приставляет заплат из небелёной ткани; ибо вновь пришитое отдерёт от старого, и дыра будет ещё хуже. Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают; но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое». (Мф. 9:14-17)

Заявляя о том, что к старой одежде не пришивают новую заплату и в старые мехи не наливают молодого вина Христос ясно говорит - формы и ритуалы старого религиозного культа не могут быть совместимы с содержанием нового учения. Отцы церкви пошли по-другому пути. Они соединили Ветхий и Новый Завет и сделали их равнозначными. Принятие догмата о единственности Святой Троицы связывало Ветхий и Новый Заветы нерасторжимыми узами. Ветхий Завет приглушал революционный пафос учения Христа. Иудаизм с его мировоззренческими положениями становился нерасторжимой частью христианства. Это заложило неразрешимые противоречия, которые породили множество противников.

В последствие тезис апостола Павла о том, что «всякая власть от Бога», как бы поставил во внутрицерковной дискуссии жирную точку, однако, с этим согласились не все. На протяжении почти двух тысячелетий революционные идеи Иисуса Христа, изложенные в Евангелиях, идейно подпитывают самые радикальные движения, порождая в течение полутора тысяч лет ереси, а затем Реформацию.

4. Роль императора Константина в истории христианства

Противоречия между учением Христа и Ветхозаветными взглядами вызвали необходимость еще во II в. начать формировать Церковное предание, которое давало разъяснения на многие «неудобные» места в Новом Завете и основывалось вначале на высказываниях апостолов, после их

смерти авторитетами стали отцы церкви, а впоследствии, иерархи. Дело дошло до того, что позднее в Западной Европе Предание стало преобладать над Священным Писанием, что явилось одной из причин реформации.

Мы уже говорили, что гностические и другие ереси развивались одновременно с христианством и до IV века они никому не мешали, но Константин, намереваясь сделать церковь и религию опорой своей власти, не мог допустить, чтобы она состояла из разрозненных общин, каждая из которых бы имела свои догматы, вероучения и т.д. Ему нужна была единая церковь, построенная по образцу римского государства, которой бы он мог единовластно руководить. С этой целью он собирает Первый Вселенский собор в 325 году. Первый Вселенский собор был созван для обсуждения взглядов Ария, учившего, что Бог Сын не единосущен Богу Отцу. Христос это Логос, созданный Богом, как действующая сила или инструмент для создания всего сущего. Таким образом, Христос меньше чем Бог, но больше чем человек: он божественен, но не является Богом.

Созыв собора для Константина был политическим актом, но для него был необходим все же какой-то богословский предлог. Одним из таких предлогов была необходимость обсуждения учения Ария.

«Для поездки на собор «епископы были созваны императорским указом весной 325 года. Прогоня, почтовые лошади – все это было предоставлено епископату империей». (А.В. Карташев. С. 30) Вот как описывает открытие собора А. В. Карташев: *«Открытие собора во дворце было вдвинуто в раму большого императорского парада. Император вошел в блестящих золотом одеждах. Его приветствовал председательствующий епископ, занявший место справа от императора... Константин, как инициатор собора, вероятнее всего, был и председателем на параде открытия собора»*. (С. 33) Константин не только присутствовал на заседаниях собора, но комментировал выступления и лично редактировал формулировку символа веры.

Арий (256–336), священник из Александрии, учил, что Сын божий создан Богом Отцом, т.е. является творением Бога, и, следовательно, не Богом. Но Сын “почтен Божеством”, наделен Божественной силой, поэтому может быть назван “вторым Богом”, однако не первым. Согласно Арию, Дух – это высшее творение Сына, как Сам Он – высшее творение Отца. Арий именовал Духа Святого “внуком”.

Богословие признает, что учение Ария возникло в результате того, что текстам Писания, говорящим о подчиненности Сына Отцу, было приписано неадекватно большое значение. (Имеются в виду новозаветные контексты, в которых говорится, что Сын Божий после Воплощения есть не только Бог, но и Сын Человеческий; что Сын происходит от Отца, т.е. что Отец является Ипостасным Началом Сына. Ср.: “Отец Мой более Меня” (Ин 14, 28); “[Сын], Которого Отец освятил и послал в мир” (Ин 10, 36); “[Христос] смирил Себя, быв послушным даже до смерти” (Флп 2, 8). Иными словами, “арианская ересь”, потрясая Восточную церковь, – это ошибка прочтения, неадекватного толкования священного текста. Или же наоборот верное толкование, отвергнутое устроителями церкви во имя ее господства в государстве. Ответить однозначно на этот вопрос невозможно,

так как второй вариант будет противоречить догматам церкви, которые не обсуждаются.

А.В. Карташев пишет о значении борьбы с арианской ересью следующее: *«Вопрос заострялся до формулы «быть или не быть?» не в смысле исторического бытия и роста христианства, а в смысле качественном: в смысле возможной неприметной для масс подмены самой сути христианства как религии искупления. Может быть, было бы и проще и успешнее преподнести массе христианство как религию моралистическую... Не трезвее ли просто признать в Иисусе Христе высшего из пророков? Диалектически арианство вело к антитроичности Бога, к обесмысливанию вочеловечивания хотя бы и Высшего, Единородного, Единственного из сынов Божиих. Это был бы стерильный монотеизм, подобный исламу и иудаизму. Не понимало арианство, что суть христианства не в субъективной морали и аскезе, а в объективной тайне искупления... В этом чуде из чудес и тайне из тайн суть христианства, а не в рациональной морали, как в других естественных религиях».* (С. 8-9)

На эти заключения уважаемого ученого, сделанные в середине XX столетия, хочется задать несколько вопросов. Во-первых, почему религии «стерильного монотеизма, подобные исламу и иудаизму» в настоящее время не испытывают такого тотального кризиса как христианство. А во-вторых, не повлияло ли на этот кризис увлечение христианства «тайной искупления» в ущерб «рациональной морали». Мистицизм христианства был приемлем, когда подавляющее большинство народа было необразованным, подвержено вере в магию и суеверия, но в век торжества науки и рационализма, которые рожают скептическое отношение к церковному учению о всевозможных таинствах, церковь оказывается бессильной его преодолеть.

Второй довод А. В. Карташева о необходимости борьбы с арианством состоит в следующем: *«Но арианство было особенно тонкой и потому опасной ересью. Оно родилось из двух тонких религиозно-философских ядов, совершенно противоположных природе христианства: яда иудаистического (семитического) и эллинского (арийского)».* (С. 10) Когда А.В. Карташев говорит о «природе христианства», что он имеет в виду, то церковное учение, которое сложилось к его времени, т.е. к середине XX в. или то, которое изложено в Евангелиях Христа, или же то, которое только начинало складываться в догматах Вселенских соборов? Скорее всего, он имеет ввиду догматическое христианство, которое сложилось к его времени и имело мало общего с христианством начала IV века.

Однако его замечание о двух ядах очень верное. Чуть выше мы говорили о том, что еретические движения до времен Константина и те, которые будут развиваться дальше, в основу своих учений брали противоречия между Богом Нового и Ветхого Завета. В случае победы арианства Бог Ветхого Завета становился бы главным Богом, а его учение более важным, чем учение Христа. Но для многих людей, как живших в то время, так и позже, фигура Христа в христианстве была необычайно привлекательной, и перевод его в разряд Бога второй величины вызвал бы еще большее увеличение позиций еретиков. Это чисто гипотетическое

предположение, так для его подтверждения у нас нет достаточно материалов, но оно не кажется абсурдным.

Учение о триедином Боге достигало нескольких целей. Во-первых, оно устанавливало неразрывную связь между Новым и Ветхим Заветами, делая их единым целым, так как Бог един. Во-вторых, над нравственным учением Христа рационалистическим по своей сути оно возводило таинственное здание мистической тайны, которую невозможно понять и в которую нужно только верить. Таким образом, революционность учения Христа перевоплощалась в мистицизм учения церкви. В третьих, слияние Ветхого Завета с Новым и признание их равноценными в дальнейшем позволило уйти от опыта раннехристианской демократии и аскетизма, разделив жизнь человека на мирскую и духовную, а людей на мирян и священников

Учение Ария кроме догматических разногласий представляло для Константина и политическую опасность, так как, ища поддержки в своих спорах, он апеллировал к народу и писал письма, обращенные к пешеходам, морякам, мельникам и другим людям, то есть смущал умы.

5. Человек под властью кесаря и церкви

Вот как пишет о роли Константина (годы жизни 285-337, правления 306-337) в истории христианской церкви Адольф Гарнак, видный протестантский теолог второй половины XIX в.: *«Константин вначале не сделал ничего другого, как только признал христианскую религию и церковь. Но признание их ...равнялось дарованию им привилегированного положения. В последние же годы своей жизни Константин пошел еще дальше: он объявил прочие религии и культы ложными; он под всевозможными предложениями издавал запрещения жертвоприношений, закрывал многие храмы, дарил церкви их конфискованное имущество и открыто притеснял «язычество». Всеобщая веротерпимость должна была, не изменяя своего названия, уступить место единовластному господству церкви».* Константин не являлся церковным иерархом и не имел никакого титула, в отличие от языческих императоров, которые именовались «pontifex maximus» (верховный жрец), но церковь вскоре исправила это упущение и нашла для него приемлемый титул «епископ внешних». *«Титул имел двуличную окраску, но совершенно ясно, что он должен был означать: император принимает участие в управлении церковью. В этом смысле издавал он законы против еретиков, в этом смысле созвал великий Никейский собор...Завещание Константина своим сыновьям гласило: «управлять церковью». Из них Констанций (сперва на Востоке, затем во всем государстве) сознательно и энергично продолжал политику своего отца... Констанций был первосвященником церкви, хотя и не называл себя так».* Против такого положения выступало достаточно много епископов, но другие говорили: *«император делает только то, что составляет его право: он преемник Давида и Соломона, и не государство в церкви, а церковь в государстве».* (С. 343-345)

Карташев А.В. считает, что после Никейского собора: «Оформилось всеимперское, вселенское для всех обязательное решение Церкви, и еще сверх того государственно-общеобязательное повеление верховной

императорской власти». (Карташев. С. 36) Все решения собора были продублированы императорскими указами, что придало им силу закона. Арий был осужден Никейским собором и умер в изгнании. В период первых вселенских соборов христианской церкви были сформулированы её догматы, символ веры и определены обряды.

В Новом Завете не существовало идеологических обоснований подчинения церкви императорской власти. На этот счет Евангелия приводят слова Иисуса Христа о том, что «кесарю – кесарево, а Божие – Богу». Он совершенно четко разграничивает пределы светской и духовных властей. Апостол Павел «поправляет» Христа и говорит о том, что всякая власть от Бога, но не говорит о слиянии властей. Юридически христианская церковь становится государственной в 380 году, когда император Грациан вместе с соправителем Феодосием принимают закон о преследовании, как христианских ересей, так и языческих культов, а гражданские права предоставляются только христианам, причем только православным.

Благодаря императору Константину учение Иисуса Христа, предназначенное для «трудящихся и угнетенных», выдвигавшее требования преобразования социальных отношений на принципах равенства, справедливости, любви и милосердия, сохранив свое революционное содержание, как будто бы в первоначальном виде, полностью меняет смысл и пафос. Оно превращается в государственную церковь и религию, подчиненные и подвластные императору Римской империи и призванные поддерживать жесточайшие порядки рабовладельческого строя.

Человек, который, по словам Иисуса Христа, становится его другом: «Вы друзья мои, если исполняете то, что Я заповедую вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Иоанн 15:14, 15) не может быть другом императора. Император не нуждался в друзьях, ему нужны были покорные рабы. Церковь начинает работать над превращением духовного человека Христа в раба, преданного своему господину как некоторые животные.

IX. Христианская церковь – создатель духовной культуры европейских народов

1. Самоопределение церкви

Принцип – «возлюби ближнего своего» жил между людьми еще задолго до Христа и был очень привлекательным, поэтому покорила души многих, его проповедовали философы и религиозные сектанты, но только последователи Христа придали ему организационные формы, создав христианскую церковь, тем самым обеспечив жизнь на многие столетия. Однако этот принцип так и не был воплощен в повседневные отношения людей. Новый принцип взаимоотношений требовал отказа от старых форм, основанных на превосходстве и подавлении этого ближнего. Этот принцип не приняли соплеменники Христа евреи и распяли автора. Иисус Христос неоднократно повторял, что он сам и его царство «не от мира сего» (Иоанн 8:23), поэтому первые христиане до вмешательства Константина в дела церкви руководствовались новыми принципами во внутренней жизни общин, отличавшейся высоким демократизмом.

Христианская церковь, сделавшись господствующей и принявшись за поголовное обращение в свою веру язычников, столкнулась с необходимостью совместить этот принцип со старыми формами социальных отношений, при которых люди имели антагонистические интересы. Константин начал эту работу, поставив церковь на службу государству, тем самым переформатировал идеи Христа, по которым церковь должна была стать духовным прибежищем для трудящихся и угнетенных. Константин не только изменил задачи и цели существования церкви, но и заложил мину под будущее, которая неоднократно приводила к взрывам, угрожавшим ее существованию. Расхождения между гуманистическим духом Евангелий и практикой церкви, стоявшей на службе у государства и правящей элиты, приводили к появлению множества еретиков и еретических учений, несогласных с повседневной политикой церкви, с которыми она вела беспощадную борьбу. В борьбе с еретиками церковь доходит до курьезов. Она запрещает мирянам читать Евангелие, таким образом, приравнивает его к «подрывной литературе», а владельца книги угрожает объявить еретиком и отправить на костер инквизиции.

Можно назвать политику церкви после Константина ошибочной, а можно задать вопрос, была ли у церкви альтернатива, могли ли христианские епископы отказаться от покровительства императоров? Мы уже приводили пример того, что не все епископы были согласны находиться под императорской властью, но большинство ссылалось на примеры из Ветхого Завета и, наверное, по-человечески боялось, что противостояние с императором приведет к новым гонениям. С другой стороны, церковных иерархов не могла не привлекать перспектива, одержать при помощи государства полную победу над язычниками, поэтому поведение церкви можно назвать вынужденным или реалистичным.

Какие бы ошибки не совершала церковь в средние века, несомненным остается факт того, что она много сил уделяет искоренению языческих или животных страстей в поведении людей. Она принялась за разработку концепции нового общества и нового человека – христианина, о том, что из этого получилось, мы поговорим ниже.

2. Смерть Рима – результат потери в обществе веры и духа

Начиная разговор о человеке средневековья, необходимо вспомнить несколько высказываний Г.В.Ф. Гегеля. «Духовное как таковое не может подтверждено недуховным, чувственным». (Философия религии. С. 208)

«Животное, камень, растение не являются злыми; зло налично в сфере познания... Следовательно, познание имеет к злу не внешнее отношение – познание само есть зло. К этой противоположности относится то, что человек, поскольку он дух, должен становиться бытием вообще...

Дух свободен...» (261)

К нашим рассуждениям о природе человека и его образе в Средние века эти мысли Гегеля имеют самое непосредственное отношение. Если представлять человека природным как писал Гегель или биосоциальным как говорят современные ученые существом, то рассматриваемый период предстанет темным временем как его и рисуют многие историки. Это время буйства вырвавшихся из холодных северных лесов и скалистых гор диких

племен, растекавшихся по благодатным землям Средиземноморья. Грабя и убивая жителей этих мест, разрушая памятники культуры, отвергая местные обычаи, они, почему-то очень быстро и без всякого принуждения принимают веру в Христа. Не умея читать и осмыслить ее высокую духовную суть, они воспринимают саму идею жертвы Иисуса, в их представлении христианство с его Святой Троицей не имеет принципиального отличия от тех древних языческих культов, которые существовали раньше. Христианская церковь взяла на себя задачу человека естественного превратить в духовного. Для этого ему нужно дать знание. Но знание по Гегелю опасно, так как может толкать человека на путь зла. Так же думала и церковь, лучшие умы которой решали в то время соотношение веры и разума, познания и сошлись на том, что вера первична. История последующих столетий в особенности двадцатого подтвердила, что разум, не облагороженный верой, несет людям вселенское зло. Это продемонстрировали две мировые войны прошлого века и колоссальная нестабильность века нынешнего. Поэтому Средние века это приобщение естественного человека к вере, становление основ человека духовного.

Можно задать простой вопрос, почему эпоха Возрождения возникла благодаря проснувшемуся интересу к античной культуре, спустя почти тысячу лет после падения Рима, а не сразу, когда варвары начали селиться на территории Западной Римской империи? Тогда в IV – V веках имелось в наличии множество памятников литературы и искусства, но грубым и неграмотным варварам они были не нужны. Слово «вандализм» возникло как символ бессмысленного разрушения. Для того чтобы варвары могли понять значение античной культуры, им нужны были Средние века как школа духовного взросления европейцев. Они должны были пройти обучение в ней, а строгим учителем являлась христианская церковь. Она подготовила европейцев к постижению духовного богатства античности, способствовала созданию духовный фундамента для дальнейшего продвижения культуры. Кто знает, каким путем пошло бы развитие Европы, не будь в Средние века церкви. Может быть, дикие шайки арийцев до наших дней бродили бы по ее просторам, грабя и убивая мирных жителей. Для развития культуры и в первую очередь науки нужна грамотность и книжная ученость. Церковь среди хаоса, царившего в период развала Западной империи, оказалась единственным хранителем, культурных ценностей и грамотности. Причем в Средние века она не только их хранила, но и переосмысливала с позиций христианства.

Почему развалилась Западная Римская империя? Говорят, что она погибла под ударами варваров, но варвары нападали на Рим чуть ли не девятьсот лет. Известно, что еще в 390 или 387 году до н.э. кельты сожгли Рим. Более пятисот лет римляне не просто отражали их нападения, но и захватили народы, населявшую Западную Европу, включая Англию. Конец великой империи был поистине жалким. Современные авторы учебников по истории Рима любят представлять его падение, как результат непрерывных войн и набегов варваров. Но это не так. Западная империя настолько деградировала, что не имела собственных солдат для охраны границ, поэтому нанимала для этих целей воинственные племена соседей-варваров,

которые как и положено наемникам, время от времени поворачивали оружие против нанимателя, как только возникала причина или предоставлялся удобный момент. К началу пятого века Рим растратил волю и дух, поэтому его падение произошло без борьбы. Он пал к ногам варваров, словно перезревшее яблоко.

Историк Гиббон, подробно рассказывает в своей книге «История упадка и крушения Римской империи» об основных моментах агонии империи. Обессиленный Рим дважды подвергся разграблению варваров без сопротивления. Первый раз его захватил вождь везеготов готов Аларих. Ввиду приближения готов Алариха к границам Италии, император Гонорий приказал перебить семьи командиров отрядов наемников-варваров, находившиеся в разных городах Италии в качестве заложников. В результате предательства и вероломства императора тридцать тысяч наемников перешли на сторону Алариха. Аларих, с примкнувшими перебежчиками начал грабить италийские города, но не стал штурмовать Равенну, где прятался император под защитой верной ему армии, а пошел на беззащитный Рим.

Почти за семьсот лет до этих событий великий полководец Ганнибал, подойдя к Риму, побоялся его штурмовать, потому что понимал, что понесенные потери могут лишить его армии. Гиббон насчитывает население Рима в 408 году в момент приближения к нему готов Алариха в 1 млн. 250 тысяч человек. В этот раз римляне откупились от Алариха одиннадцатью тоннами золота, пятнадцатью тоннами серебра и тысячами кусков дорогого сукна и шелковых одеяний, тремя тысячами фунтов перцу.

Второй раз готы Алариха приблизились к Риму в августе 410 года и вновь битвы за «вечный город» не было. В ночь на 24 августа рабы открыли ворота, и варвары ворвались в город, начался грабеж и насилие, но сопротивления не было. Когда-то гордые римляне потеряли волю к сопротивлению и остатки боевого духа. Если бы мужское население города взялось за оружие, эта армия в несколько раз бы превысила нападающих. Но воинов и мужчин не оказалось.

Вандалы, чье имя вошло в историю как символ бессмысленного разрушения после того как в 455 году они захватили Рим и разграбили его. Но злая шутка истории заключается в том, что в Рим их пригласила вдова убитого в результате дворцовых интриг императора Валентиниана. Его убийца новый император Максим, чтобы укрепить свою власть женился на вдове - императорице Евдокии, которая желая отомстить за мужа, обратилась за помощью к вандалам. После того как корабли вандалов причалили к берегу в устье Тибра, император бежал и Рим остался беззащитным. Вандалам никто не оказал сопротивления, и они во второй раз разграбили Рим.

Описывая падение Рима в 476 году, Гиббон называет этот момент в оглавлении следующим образом: «Существование Западной империи окончательно прекращается». Гиббон не видит ни захвата, ни разгрома, а говорит всего лишь о существовании. Он пишет, что вождь германцев Одоакр, который был командующим войсками, состоящими из соплеменников, и одновременно наместником императора, обратился к

сенату с предложением ликвидировать должность императора из-за больших затрат на ее содержание, а заодно и саму империю. Сенат согласился и послал делегацию в Восточную империю, которая обратилась с просьбой к императору Византии перенести столицу империи в Константинополь, а Одоакра возвести в звание патриция и доверить ему управление италийской провинцией. Одоакр направляет в Константинополь даже символы императорской власти, как бы утверждая законную преемственность

Как видим, все формальности соблюдены, никто никого не завоевывал и не захватывал, все произошло само собой. Сопrotивляться было некому. Полностью отсутствовал тот самый «боевой дух», при наличии которого войны становятся смелыми, идут на смерть против превосходящего противника и побеждают, а при отсутствии становятся трусливыми и бегут или сдаются при виде одного знамени врага.

Западная Римская империя продемонстрировала всем народам, что происходит с государством, в котором утрачен не только боевой дух, но всякий дух вообще, утрачена воля к жизни и борьбе за ее сохранение. Народ Рима в течение почти пятисот лет терял веру в старых языческих богов, новая вера в христианского Бога приживалась в нем очень плохо. По свидетельству Гиббона, в период осады Рима войсками Алариха, тосканские прорицатели уверили городского префекта, что смогут уничтожить войска варваров при помощи небесного огня, который могут вызвать языческими заклинаниями и жертвоприношением в случае, если должностные лица города и сенаторы будут в нем участвовать. Сенаторы побоялись императора и отказались участвовать в языческом ритуале и жертвоприношение не состоялось. Не случайно Константин не стал Рим делать столицей христианства, а еще за двести лет до развала перенес ее в Константинополь, который и стал вскоре столицей Восточной империи и христианства, так как через полвека империя официально разделилась на две части: Западную и Восточную.

Народ, как и отдельный человек, потерявший веру, теряет душу и волю, становится деморализованным и деградирует. Эти процессы мы можем наблюдать в повседневной жизни сегодня. Языческий мир, который символизировала в организованной форме Западная Римская империя, прекратил существование, но прекратила свое существование и духовная культура, опиравшаяся на высокую образованность населения.

3. Христианская религия – основа духовной культуры Европы.

С конца III в. епископам главных городов провинций стали присваиваться титулы митрополитов и первосвященителей. Римская церковь, а соответственно, и римский епископ, имели особый авторитет среди христианского мира. Во-первых, Рим был ещё совсем недавно столицей могущественного государства, а, во - вторых, именно в этом городе проходила проповедническая деятельность самых великих апостолов – Петра и Павла, которые здесь же приняли мученическую смерть. Это придавало Риму особый авторитет среди других городов, ни один из которых, в том числе и Константинополь, не мог похвастаться подобным. Вскоре римский Папа стал признанным авторитетом, а затем и главой всей христианской церкви Западной Европы.

Развал в V веке Западной Римской империи пришелся на период Великого переселения народов, продолжавшегося до VII века, когда Европа была подобна кипящему котлу, в котором находились в хаотичном движении различные племена и народы, переходящие с боями, сопровождавшимися грабежами и разбоем, из одной местности в другую. В условиях наступившего всеобщего хаоса римский Папа, вместе с возглавляемой им церковью, становится образцом стабильности и порядка и в силу этого приобретает высший духовный авторитет среди племенных вождей и королей народов, перемещавшихся по землям Европы. Духовный авторитет римских пап рос в большей степени за счет того, что среди людей находилось много пламенных приверженцев учения Христа, которые шли к варварам в далекие земли и с фанатичной страстностью проповедовали среди языческих народов, обращая их в христианскую веру. Римский папа направлял к новообращенным священников, назначал епископов, а предводители этих народов по отношению к папе добровольно занимали подчиненное положение. Так сложилось правило, по которому католическое духовенство каждой европейской страны подчинялось не своему государю, а папе.

В VII-IX вв. после передачи католической церкви значительных земельных владений в центре Италии возникает государство, возглавляемое Римским Папой и получившее название Папской области. Таким образом, папа становится еще и светским авторитетом среди государей Европы. Папы венчали на престол королей и императоров. Все это способствовало необычайному экономическому и политическому могуществу католической церкви и её главы – Римского Папы.

Укрепление авторитета пап и рост церковных богатств вели католичество к еще большему отходу от духовной стороны учения Христа, укрепление церковной власти и стяжание богатства становятся главной заботой церкви. Папы стали продавать церковные должности за деньги.

«Католическая церковь скоро приняла форму и приобрела силу большой федеративной республики. Так как законодательный авторитет отдельных церквей был заменён авторитетом соборов, то епископы, благодаря установившейся между ними связи, приобрели более широкую долю исполнительной и неограниченной власти, а лишь только они пришли к осознанию общности своих интересов, они получили возможность напасть соединёнными силами на первобытные права своего духовенства и своей паствы». Таким образом, еще до Константина верхушка церковных иерархов начинает наступление на демократические традиции раннего христианства.

«Прелаты третьего столетия незаметно перешли от увещаний к повелительному тону, стали сеять семена будущих узурпаций и восполняли свои недостатки силы и ума заимствованными из Св. Писания аллегориями и напыщенной риторикой. Они превозносили единство и могущество церкви, олицетворявшиеся в епископском звании, в котором каждый из епископов имел равную и нераздельную долю. Они нередко повторяли, что монархи и высшие сановники могут гордиться своим земным и временным величием, но что одна только епископская власть происходит от Бога и простирается

на жизнь в другом мире. Епископы были наместниками Христа, преемниками апостолов и мистическими заместителями первосвященника Моисеевой религии. Их исключительное право посвящать в духовный сан стесняло свободу и клерикальных и народных выборов; если же они в управлении церковью иногда сообразовывались с мнениями пресвитеров или желаниями народа, они самым тщательным образом указывали на такую добровольную снисходительность как на особую заслугу с их стороны» - писал Гиббон.

В раннем Средневековье церковь решала две главные задачи. Во-первых, сделать так, чтобы учение Иисуса Христа лишилось своей революционности, и могло быть принято светскими властями, знатью и богатыми, стать основой нравственного развития народов и своеобразной духовной уздой, держащей их в повиновении. Во-вторых, необходимо было окончательно добиться победы над язычеством. Борьбу с язычеством из области духовной, мировоззренческой она переносит в материальную.

Папа Григорий (540 - 604) прямо ставит задачу перед священнослужителями: «особенно заботился о том, чтобы приспособить языческие обряды к христианским: «мы пришли к заключению, что идольские храмы... не следует ни в коем случае уничтожать. Следует уничтожить идолов, но сами храмы надо кропить святой водой, возвести алтари с мощами в них... Таким образом, мы надеемся, люди оставят идолослужение... и вновь станут приходить на это место, как раньше... А так как у них был обычай приносить в жертву дьяволам множество быков, то пусть вместо этого установят другие торжественные церемонии... Им не следует отныне приносить животных дьяволу, но они могут убивать их ради трапезы во славу Божью. Если людям позволить некоторые земные радости... то они с большей готовностью станут искать радостей духовных... Потому что невозможно одним махом уничтожить все ошибочные представления в упрямых головах, и тот, кто хочет взобраться на вершину, поднимается шаг за шагом». (Дэвис Нортон. История Европы)

Для решения церковных задач неопределимую роль играл Ветхий Завет. Гиббон считает, что «духовенство необдуманно и, может быть, ошибочно применяло законы Моисея и примеры из иудейской истории к краткому и всемирному господству христиан». Однако, у духовенства просто не было выбора. Не могло учение Христа в его Евангельском виде стать идеологией феодального общества. Учение о любви между людьми не могло оправдать феодальное насилие и угнетение.

Церковь также стремится поставить себе на службу языческие обычаи и обряды. Одним из самых важных было поклонение мощам святых. Эта традиция возникла из естественного уважения к умершим и их делам. «В том веке, который следовал за обращением Константина в христианство, и императоры, и консулы, и начальники армий с благочестием посещали могилы людей, из которых один делал палатки (Павел), а другой был рыбак (Пётр), а кости этих людей были почтительно сложены под алтарями Христа, на которых епископы царственного города постоянно совершали бескровные жертвоприношения». (Гиббон)

«Пример Рима и Константинополя укрепил верования и правила благочиния Католической Церкви. Поклонение святым и мученикам после слабого и бесплодного ропота со стороны нечестивого рассудка утвердилось повсюду, и во времена Амвросия и Иеронима сложилось убеждение, что для святости христианских церквей всегда будет чего-то недоставать, пока они не будут освящены какой-нибудь частицей мощей, способных укреплять и воспламенять благочестие верующих. В длинный тысячадвухсотлетний период времени, протекавший с воцарения Константина до реформации Лютера, поклонение святым и мощам исказило цельную простоту христианской религии, и некоторые признаки нравственной испорченности можно заметить даже в первых поклонениях, усвоивших и лелеявших это вредоносное введение»⁹⁷. Ещё в XVIII столетии историк Гиббон считал подобную практику церкви возрождением языческого суеверия и строго её осуждал.

«Следует чистосердечно сознаться, что священнослужители Католической Церкви подражали тому нечестивому образцу, который они старались уничтожить. Самые почтенные епископы пришли к тому убеждению, что невежественные поселяне охотнее откажутся от языческих суеверий, если найдут какое-нибудь с ними сходство и какую-нибудь на них замену в христианских обрядах. Религия Константина менее чем в одно столетие довершила завоевание всей Римской империи, но сами победители были постепенно поработаны коварством своих побеждённых соперников»⁹⁸ (Гиббон)

Учение Иисуса Христа, говорящее, что он пришёл создать духовное царство, которое «не от мира сего», постепенно и вполне сознательно подменяется учением церкви, ставящей на первое место мирские материальные проблемы, основывающиеся на использовании языческих традиций и суеверий. В учении Христа для такой церкви нет места, но она хорошо вписывалась в религиозные традиции Ветхого Завета. Константин создал государственную христианскую религию, но воздвиг препоны для формирования нового духовного человека.

4. Пути создания европейцами духовной культуры

Варвары, перемещавшиеся по просторам Западной Европы, не обладали ни материальной, ни духовной культурой, которая исчезла с падением Рима. О высоте материальной культуры римлян свидетельствуют записки Юлия Цезаря о галльской войне. Он рассказывает, что когда решил наказать германцев, которые совершали набеги на галлов из-за Рейна, то в течение десяти дней построил мост через эту реку, чем привел в страх окрестные племена. Современные строители, используя в качестве материала только деревья, растущие по берегам какой-то крупной реки, а Рейн в те времена был без сомнения очень широкой рекой, но пользуясь современной техникой, едва ли смогут выполнить такую работу в столь короткие сроки.

Варварский мир, пришедший на смену римской культуре, был, прежде всего, неграмотен. Когда некоторые деятели утверждают, что культура слова оказала на человечество не меньшее влияние, чем культура письма, на это можно возразить хотя бы то, что об истории греков и римлян

мы знаем гораздо больше, благодаря дошедшим до наших дней книгам писателей того времени, чем о своих предках – славянах, от которых не осталось почти никаких письменных памятников.

Можно считать, что со времени падения Рима и до крестовых походов, в Европе шло формирование духовной культуры, которая стала основой западноевропейской христианской идентичности. Крестовые походы показали, что христианство в Европе пустило глубокие корни и способно своими идеями объединять совершенно различных людей от нищего до императора. Современные враги христианства доказывают, что крестовые походы предпринимались авантюристами, искавшими легкой наживы и развлечений. Это черные домыслы людей, которые под влиянием постмодернистской философии отвергают существование идеалов, ради которых люди готовы пойти на любые лишения и даже отдать жизнь. Конечно, среди крестоносцев было немало и таких, но чтобы понять, что двигало основной массой крестоносцев, стоит перечитать романы Вальтера Скотта.

От языческого Рима европейские варвары заимствовали латинский язык, ставший не только языком грамотности, но и межнационального общения вначале клириков, затем ученых, а из Константинополя они позаимствовали христианство. Необходимо отметить, что варвары Алариха, разграбившего Рим и Одоакра, ставшего его правителем были последователями христианства в его арианском еретическом варианте. От Христа варвары получили гуманистическое учение, но не знали, что с ним делать. Каким образом примирить любовь к ближнему, с языческим желанием забрать у этого ближнего его имущество и богатство.

В течение «темных веков» европейцами была проделана колоссальная работа по созданию мировоззрения, в котором возвышенные ценности учения Христа, приводились в соответствие с языческими по своей сути потребностями правящей элиты, интересами церкви, государств и народа в целом. Это была очень трудная задача найти компромисс в условиях бескомпромиссной ситуации.

Одновременно шло развитие культуры политической и экономической. Формировались феодальные государства, складывались социальные отношения, формировались сословия и классы, но самое главное шло формирование представлений о человеке, уже не язычнике, а христианине, потому что общественное мнение не представляло человека не христианином. По этой причине в течение всего времени шло обращение в христианство язычников. Причем оно превращалось в соперничество между католической и православной церквями. На Балканах и у восточных славян - русов было принято христианство в его Византийском, православном варианте, в котором господствовало влияние лиричных греков, а поляки, скандинавы и народы остальной Европы приняли католичество от прагматичных римлян. Несколько последних веков поэты и философы пытаются объяснить особенности русской души. Представляется, что эти особенности национального характера лежат там, в пришедшем от древних греков стремлении объяснить мир и излить собственную душу. Римляне

предпочитали не объяснять, а захватывать власть и деньги. Это мы видим и сегодня.

В Средние века формируется культура христианской Европы, которая решает жизненно важные проблемы для ее будущего. В первую очередь решается вопрос о месте и роли церкви в жизни общества, который выливается в дилемму – власть светская и власть духовная, которая порождает множество коллизий: клир и миряне, претензии на господство одной из властей и множество более мелких. Идет выработка социальной структуры общества, определения социальных ролей различных сословий и классов. Складывается новая мораль и нормы общественного поведения, в которых определяются взаимоотношения мужчины и женщины, вырабатывается христианский взгляд на брак и семью, воспитание детей.

5. Позиция церкви в социальных отношениях

Император Константин поставил церковь в сложное положение. Идеями гуманизма и равенства последователей Христа проникнуты все Евангелия, более того, он говорит своим ученикам: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я называю вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего». (Иоанн 15:15) Подобные отношения не могли быть приемлемы в классовом государстве, тем более рабовладельческом. Но даже Константин под влиянием христианского учения проводит ряд мероприятий по гуманизации общественных отношений. Он делает воскресенье выходным днем, предназначенным для богослужений и свободным от обычной работы, прекращаются бои гладиаторов, убийства нежеланных детей, распятие на кресте, как форма казни была отменена. Однако отношения раба и господина в сознании людей церковь продолжает не только сохранять, но и обосновывать. Самый выдающийся церковный теолог и философ раннего средневековья Августин, прозванный Блаженным, создает в начале V века свое знаменитое учение о предопределении. Согласно ему, Бог заранее одних людей предопределил к вечному блаженству, а других к вечному отторжению от себя. Это учение очень удобно объясняло социальное неравенство и работало на укрепление авторитета церкви и господствующих сословий, но толкало отчаявшихся найти справедливость на земле в ряды противников христианства – сатанистов. Как же иначе, если Бог сам установил порядок, в котором нет справедливости, то выход один – искать помощи у его противника. В Средние века появляется достаточно много сект антихристианской направленности.

Утверждая в сознании людей, что они рабы божии, католическая церковь как бы подразделяет их на различные уровни по степени приближения к Богу. Во-первых, она делит людей на мирян и духовенство или клир. Мирянин, который в начале средневековья не мог читать Евангелий, потому что был неграмотен, а когда грамотность приобрела более широкие масштабы, ему запретили это делать, не мог сам общаться с Богом. В этом вопросе ему нужен был посредник, которым выступала вся церковь в лице конкретного приходского священника.

Церковная иерархия строилась по мере приближения к небесам. Папа считался заместителем Христа на земле и слова из Евангелия от Матфея:

«Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф 18:18) давали его власти необычайно авторитетное обоснование. Кардиналы и епископы, стоявшие во главе церквей в отдельных провинциях или странах, пользовались в своих землях не меньшей властью, чем папа в Риме, но естественно зависели от него, так как он их назначал. В церковных приходах или монастырях очень строгой была духовная власть настоятелей. Особенностью католической церкви было наложение на всех священнослужителей и монахов обета безбрачия – целибата.

На мирян церковь наложила очень строгую ответственность за выполнение религиозных предписаний. Во-первых, еженедельное посещение мессы. Не следует забывать, что это был еще и выходной день, свободный от работы на феодала, как и все церковные праздники. С тех времен до наших дней дошло понятие, что в религиозные праздники работать нельзя, что это «грех». Таким же грехом для феодала было заставлять работать зависимых крестьян. Месса проводилась на латинском языке, который не понимали многие народы, принявшие христианство. Это не смущало церковь, так как в ее задачи и не входило приучение прихожан к осмысленному восприятию христианства. Важно было внешнее, эмоциональное воздействие, которое влияет не на сознание, а на естество и чувства людей, затрагивая и душу. Постепенно строятся величественные храмы, в которых устанавливаются органы, богослужение сопровождается музыкой и хоровым пением, оставляющими до сих пор неизгладимое воздействие на эмоциональное состояние верующих.

Важнейшим средством управления прихожанами была исповедь. В раннем христианстве исповедь была публичной, но после того как христианство стало господствующей религией и исповедоваться стали знатные прихожане, исповедь стала совершаться тайно перед священником, который от имени Бога стал отпускать грехи, накладывая епитимию, то есть церковное наказание. Церковь превратила исповедь в средство тотального контроля над поведением верующих. На исповеди священники задавали вопросы, касающиеся всех сторон жизни, вплоть до интимных подробностей сексуальных отношений супругов, определяя их дозволенность.

Со времен эпохи Просвещения написано много трактатов, обличающих засилье церкви, ее вторжение в частную жизнь людей. Огульно обвиняя церковь, авторы подобных творений представляли предшествующее язычество как время гармоничных отношений, что совершенно не соответствует действительности. Всеобщая жестокость, господство насилия, рабство, сексуальный разгул характеризовали язычество. Церковь вначале не могла отменить насилие, а затем стала им пользоваться сама, но навести порядок в сфере отношений полов, согласно предписаниям Библии, ей показалось по силам, и она до конца XX столетия этим настойчиво занималась. Таким образом, католическая церковь постепенно дисциплинировала дикого варвара, подспудно готовя почву для того культурного взрыва, который назовут эпохой Возрождения или Гуманизма.

X. ЧЕЛОВЕК СРЕДНЕВЕКОВЫЙ

I. Расставание с язычеством

1. Темные века

Исторический период в Западной Европе с V по XI век принято называть темными веками, XII в. средневековый ренессанс, а XIII – XIV века – Высокое средневековье. Такая периодизация сложилась, видимо, при поверхностном рассмотрении истории Европы учеными XVIII-XX вв., стоявшими на антиклерикальных позициях. Для них вообще история Европы начинается с эпохи Возрождения, со времени широкого обращения к языческой мудрости, искусству и нравственности, а Средние века, как считают они, ввиду полного господства христианской церкви ничего не дали европейской культуре и были как бы потерянными временами.

Начиная с Ницше, стало модным восхищаться язычеством, видя в нем только смелое, воинственное и победоносное. Ни у кого из таких поклонников не возникает вопрос, кем были бы они в таком обществе, где физическая сила и богатырское здоровье определяют место и роль человека? Ницше был слабым и тщедушным, постоянно болел, на сорок пятом году сошел с ума. Довольно комична история его службы в армии. Этот человек, писавший о прелестях войны и доблести варваров, ничего воинственного кроме отращивания великолепных усов и бредовых мечтаний в своей жизни не совершил. Он ни разу не пролил своей или чужой крови и не участвовал ни в одном бою. Он дважды служил в армии. Первый раз его уволили из армии потому, что он упал с лошади, а второй раз у него открылся кровавый понос, в захваченном пруссаками Париже, где он заразился дизентерией. Вот и все его воинские подвиги. Среди современных интеллигентов, поклонников Ницше, большинство в физическом плане не отличается от него в лучшую сторону. В языческом обществе, где главным аргументом была сила, а не многословие, подобные демагоги, рассуждающие о прелестях ушедшего язычества и вреде христианства, долго бы не прожили по причине своей непригодности к тем условиям и в полной мере бы испытали на себе все прелести язычества.

Период с V по IX века был временем начала расставания с язычеством и постепенным складыванием человека с новым менталитетом. Попытаемся найти то рациональное, а его было очень много, что было рождено в это время. Во-первых, это время приобщения варваров, каковыми римляне считали германские племена к римской культуре. Варвары не знали элементарной воинской дисциплины и строя, не имели письменности, искусства и науки, строили дома из дерева или глины, в то время как римляне пользовались в каменных домах водопроводом и канализацией, принимали ванны. Азам воинской науки варвары научились у римлян, когда с ними воевали и стали наниматься на службу. Может быть главным культурным приобретением раннего средневековья является салический закон, появившийся у франков к VI веку.

Вожди германских племен, такие как, например, Одоакр, завоевав, какую-либо местность, стремились извлечь для себя, прежде всего выгоду, не думая о создании устойчивых государств. Идея создания стабильного государства была им еще чуждой. Потребовалось двести лет и вторжение арабов, разбитых в 732 году при Пуатье, чтобы каролинги в лице Карла Великого к началу IX в. прониклись идеей создания империи, объединяющей

народы Западной Европы в единое государство. Империя Карла, провозглашенная в 800 году, называлась Римской, настолько силен был авторитет и память рухнувшего Рима. Вчерашних варваров не смущало, что их государство к античному Риму не имеет никакого отношения. Только один фактор служил связующим звеном – христианская церковь и короновал Карла не кто иной, как римский папа.

Христианская церковь напрямую служила идее создания европейской государственности и она, не смотря на все свои отступления от учения Христа и ошибки, присущие ей как любому общественному институту, несла людям идею гуманизма, поскольку другого источника не было. Античный гуманизм был ограниченным, он не распространялся на рабов и другие не полноправные слои населения, поэтому оказался нежизнеспособным и умер вместе с Римом. В христианстве благодаря учению Христа гуманизм получил новое воплощение, в корне отличное от античного. Идея о том, что все люди равны перед Богом независимо от национальной или социальной принадлежности была очень привлекательной для самых широких масс и способствовала смирению гордости у верхов. К XIII столетию папы в своей гордыне возвысились до того, что стали верить в божественность собственной власти, но это было свидетельством слабости человеческой природы, а не Евангельских истин. Идея равенства людей, посеянная в раннем средневековье евангельским откровением, в течение тысячи лет укреплялась и росла в сознании европейцев.

Мы уже упоминали, что разделение верующих на клир и мирян делало священников посредниками между верующими и Богом, давало им какие-то моральные и материальные привилегии. С другой стороны такое деление позволяло людям, избравшим путь служения Богу, уходить от мирских соблазнов и посвящать свою жизнь служению высоким нравственным идеалам, становясь духовными авторитетами для многочисленных современников и потомков.

2. Христианский святой – идеал нового человека, которого не знал языческий мир

Столетия атеистической пропаганды приучили широкую публику к мысли, что средневековые монахи это беспутные пьяницы и бездельники, конечно среди них были и такие, но не они определяли отношение народа к вере в Иисуса Христа. Люди во все времена умели видеть и отделять святое от грешного. Маркс, назвавший религию «опиумом народа», был прав в том смысле, что христианская религия давала направление духовному поиску и развитию людей, предлагая светлые идеалы. Это не наркотический и алкогольный дурман современности, забирающий у людей сначала человеческий образ, а затем сводящий в могилу. Эта религия из дикого и свирепого человекоподобного языческого зверя в течение столетий делала человека, имевшего понятия о гуманизме. Только представим в каких ужасных условиях жили трудящиеся люди того времени, какими грубыми и жестокими были их обычаи. Христианская религия дала людям то, чего не смогло дать язычество - понятный и близкий идеал человека. В язычестве боги далеки от людей. Для них человек является забавной игрушкой, которой они могут дарить свое расположение, а если он не понравится,

могут жестоко карать. Совсем по-другому в христианстве. Сам Христос и его мать Мария, как будто бы знакомы каждому, они могли быть соседями, но вместе с тем преподносили пример праведной жизни, в которой не запятнали своей совести в условиях смертельно опасных преследований и гонений.

Образ Христа, претерпевшего жесточайшие мучения, вдохновлял на такую же мученическую смерть за новую веру, которая носила характер идеи, многие тысячи его последователей. Враги христианства любят вслед за Ницше называть ее религией рабов и видеть главными чертами христиан покорность и смирение. Это или заблуждение или преднамеренный обман. Сам подвиг Христа говорит не о его покорности, а стойкости, преданности и непреклонности. На суде Синедриона он не просит о прощении, а говорит о грядущем торжестве своей веры. На последний вопрос первосвященника: «Скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий? Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных... Тогда же плевали ему в лицо и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам...» (Мф. 26:63, 64, 67) (Попутно заметим, что это, видимо, самое таинственное место в Евангелиях, называя себя Сыном Человеческим, Христос говорит о том, что будет сидеть «одесную силы». Слово сила написано со строчной буквы, означающей, что это не Бог, так как все, подразумевающее Бога пишется с прописной буквы. Тогда что скрывается за этим словом? Под ним можно понимать и энергию.)

Подвиг Христа вдохновил на героическую смерть в период гонений тысячи его последователей, а затем стал образцом для аскетической духовной жизни. Многие авторы видят в средневековом аскетизме признак недостаточной культуры, не обращая внимания на то, что языческому разгулу плоти можно было противопоставить только аскетизм. Не было у средневековых христиан иного средства в борьбе за укрепление нравственности кроме аскетизма, который они позаимствовали у первохристиан, взятый последними у самого Христа.

Другим образцом для подражания была мать Иисуса Христа Мария. Современные критики христианства и даже некоторые последователи его, видят в почитании ее проявление традиций язычества, находя культ девы и матери у народов Древнего Шумера, Вавилона, Египта и многих других, у которых существовали древнейшие культы почитания матери и младенца. Такие критики как будто бы забывают, что христианство это не только религия мужчин, как иудаизм и отчасти ислам, но и женщин, составляющих половину человечества, причем большую и лучшую. Этой половине, которая живет больше сердцем, а не разумом, всегда нужна была богиня, подобная им самим – женщина, страдавшая в своем неизмеримом материнском горе, которая способна их понять и утешить. Если представить себе миллионы женщин, которые в слезах изливали перед иконами Богородицы свои беды и получали душевное успокоение, то можно понять роль этого образа в духовном мире не только средневекового, но современного человека. Назовем это психотерапией или аутотренингом, но если это не лукавая попытка верующего, что-то выторговать у сил небесных, а чистосердечное раскаяние и желание избавиться от последствий своих недобрых дел или

мыслей, чтобы приобрести успокоение, образ Божией Матери очень позитивен.

Почитание Девы Марии утверждается церковью с V века, но в Средние века образ непорочной девы и беззаветной любви стал вдохновлять не только женщин, но и воинственных рыцарей, которые даму сердца часто связывали с ней. А. С. Пушкин написал о таком рыцаре замечательные строки: «Полон верой и любовью /Верен набожной мечте,/ Ave, Mater Dei кровью /Написал он на щите». Это стихи не только о рыцаре, но и о вере в неземную любовь, которая его питала. Ближе ко времени Ренессанса художники подхватили тему Божественной Матери и младенца, а титаны Возрождения создали бессмертные шедевры.

В раннем Средневековье, когда прекратились гонения, и не нужно было идти с пением гимнов на смерть, появляются люди, которые хотят своей повседневной жизнью приблизиться к образу жизни Христа и первых христиан. Многие из них соответствовали высокому званию, данному им потомками «святой». Исследователи христианства из числа атеистов, называющие его «религией рабов» правы только в отношении первого этапа его развития. Действительно, первые апостолы, избранные самим Иисусом Христом, были рыбаками и ремесленниками, но парадокс заключается в том, что начиная с самого апостола Павла, который происходил из знатной еврейской семьи, последователями учения Христа становятся люди далеко не бедные. Взять хотя бы императора Константина, о котором мы говорили как о человеке, извратившем учение Христа. Представляется, что делал это он не по злему умыслу, а в интересах империи, которые отстаивал в рамках представлений своего времени. Скорее всего, он прекрасно видел грань между материальной стороной жизни и духовными требованиями Христа. При помощи новой религии он стремился укрепить государство, в противовес тлетворному влиянию язычества, которое разлагало человека, а вслед за ним общество и государство. Вполне возможно, что он понимал, что для воплощения в жизнь христианских принципов нужно изменить психологию самих людей, а это потребует длительного времени и усилий целых поколений. Еще Христос, объясняя фарисеям время прихода «Царствия Божия» говорил: «Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: «вот, оно здесь», или; «вот, там». Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть». Глубочайший смысл этих слов в том, что для Христа Царство Божие это не наступление Рая подобного коммунизму, в котором наступит изобилие материальных благ сразу и для всех людей. Для него это Царство вообще не связано с материальным благополучием, а состоит в создании внутренней духовной гармонии человека. Именно об этом сказал А. П. Чехов: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа и мысли». Кстати, Чехов считал невозможным существование нравственного человека без глубокой христианской веры.

3. Монашество

Со времён возникновения христианства появляются люди, отказывающиеся от имущества и целиком посвящающие себя христианскому служению, которых стали называть монахами. Монашество как форма религиозного служения была известна еще в Индии (буддисты, джайны) и

Иудее (ессеи, назареи), в Европе замкнутой жреческой кастой были друиды, но у них были другие цели, они становились отшельниками, чтобы добиться личного спасения или власти над людьми. Христианскими монахами двигала совершенно иная цель. Они думали не о личном спасении, а о приближении Царства Небесного. Эта цель породила среди монахов стремление к подвижничеству.

Христианскими монахами становились как отдельные лица, так и сообщества, обрекавшие себя на безбрачие и отречение от всех благ мира, подчиняющиеся обычно определённому уставу и имеющие своей целью служение идеалам, достижимым лишь путём самоотречения и удаления от мира. Монашество как учреждение появляется в IV веке, когда после легализации церкви размылись её внешние границы. Христиане чувствовали необходимость решительно отказаться от «плотских» идеалов греко-римского мира. В Верхнем Египте, в Табенне, около 340 г. возник монастырь по уставу Пахомия, быстро распространившемуся в христианском мире. При таком уставе монахи жили в отдельных кельях (по 1-3 монаха на келью). Те аскеты, которые считали необходимым более крайнее отречение от мира, создавали новые формы монашества, такие как затворничество, молчаличество, столпничество.

В IV в. монашество распространилось в Италии, проникло в Испанию и на Британские острова. Восприняв и развивая воззрения блаженного Августина, западная церковь считала себя носительницей справедливости и добра, «*царством Божиим*» на земле, и высшую свою цель видела не в отречении от мира, а в его спасении, поэтому западное монашество стало деятельным, ставило практические задачи. Из среды монахов выделяется много выдающихся личностей «святых», которые становятся духовными авторитетами и оказывают громадное нравственное влияние не только на окружающих, но и на целые народы.

Поведение подобных святых, отношение их к окружающим становилось нравственным образцом для многих тысяч верующих. Этим людям удалось сформировать представление о нравственном облике христианина, который разрушают уже пятьсот лет, но до конца не могут завершить разрушение.

4. Бенедикт Нурсийский

Бенедикт Нурсийский (480 — 547) — родоначальник западного монашеского движения. Он признан святым католической и православной церквями. Бенедикт был сыном знатного римлянина из итальянского города Нурсии. Юношей он был отправлен в Рим на учёбу, но, не закончив обучение, покинул город, сбежав от столичной суеты, и поселился в горах. Известно, что в это время ему было около 20 лет.

Три года Бенедикт в одиночестве прожил в пещере. Молва о благочестивом отшельнике росла, и люди начали приходить к пещере, чтобы посмотреть на отшельника и поговорить с ним, а монахи одного из окрестных монастырей, после смерти настоятеля уговорили Бенедикта возглавить их общину. Ничего хорошего из этого не вышло, у Бенедикта были слишком строгие представления о монашеской жизни, не

понравившиеся общине. В результате он вынужден был покинуть монастырь и вернуться в пещеру после того, как его чуть не отравили.

Постепенно в голове у Бенедикта сложились представления о том, как должна быть устроена монашеская жизнь. Он разделил своих учеников, число которых к тому времени стало значительным, на 12 групп, каждая из которых подчинялась своему настоятелю, а за Бенедиктом оставалось право общего надзора. Около 530 года зависть и интриги местных монахов и клира вынудили Бенедикта переселиться на юг Италии, на гору Кассино, где им был основан знаменитый монастырь Монте-Кассино. Существовавшее на горе языческое святилище Бенедикт превратил в христианский храм, местных жителей обратил в христианство. Скоро слава монастыря разлетелась по всему краю, число братьев в общине резко выросло.

Для общины Монте-Кассино, которая положила начало ордену, впоследствии названному орденом бенедиктинцев, Бенедикт в 540 г. составил свой знаменитый устав, который стал фундаментом всего западного монашества. В целом, устав св. Бенедикта очень практичен, в нём сделан упор на повседневные нужды и обязанности монашеской общины, как в богослужениях, так и в хозяйственной деятельности. В уставе особое внимание уделено принципу киновии (общежительского монашества) и принципу монастырской автономии, подчеркивается необходимость воспитания смирения, которое, по Бенедикту, важнее суровой аскезы. Уход от мира, понимается, в том числе, и как материальная независимость монастыря от внешнего мира, таким образом, личная бедность монахов не должна означать бедности монастыря. Жизнь монахов определяют богослужения, физический труд, чтение Священного Писания и творений Отцов Церкви. Уставу святого Бенедикта до сегодняшнего времени следует ряд монашеских орденов.

Широко известны 72 правила из Устава. Приведем некоторые из них: «Любить Господа Бога всем сердцем, всей душой, всеми силами. Любить ближнего, как самого себя. Уважать всех людей. Не делать другим того, чего бы мы не желали себе. Облегчать участь бедных. Одевать нагих. Посещать больных. Утешать печальных. Не предаваться гневу. Не воздавать злом за зло. Терпеть гонение за правду. Не исполнять пожеланий плоти. Каждый день исполнять жизнью заветы Господа. Любить чистоту. Избегать ненависти. Не любить споров. Избегать почестей». Такие люди как Бенедикт Нурсийский собственным примером показывали вчерашним язычникам образцы христианской нравственности и служили прообразом нового духовного человека.

II. Рождение христианина – человека духовного

1. Реформы церкви

Бенедикт Нурсийский, ставший родоначальником монашеского движения в Западной Европе, не был забыт. Его нравственный пример послужил основой движения уже сложившегося монашества через четыреста лет после смерти, которое получило название «Клюнийского движения». Оно было рождено желанием значительной части монахов и священников порвать с извращением христианства и было направлено на реформу монашеской жизни в Западной церкви в X—XI веке. Центром движения было

Клюнийское аббатство во Франции. Главной причиной его был протест против падения нравственности монашества и духовенства, против вмешательства светских властей в церковную жизнь. Главное требование Клюнийского движения к жизни монахов — строгое соблюдение устава Бенедикта Нурсийского. Лидеры Клюнийского движения осуждали симонию (продажу должностей), требовали строгого соблюдения целибата духовенством, на практике добивались освобождения монастырей от власти светских сеньоров и епископов. Клюнийская реформа способствовала созданию в монастырях библиотек и скрипториев и повышению интеллектуального уровня монахов.

В ходе Клюнийского движения сложилась клюнийская конгрегация монастырей. Она была строго централизованной и возглавлялась аббатом Клуни, который напрямую подчинялся папе и не зависел от местных церковных властей. Монастыри, принявшие реформу, выводились из-под власти местного епископата и подчинялись Клюнийскому аббатству. Аббат Клуни считался аббатом всех монастырей конгрегации, а для управления повседневными делами аббат Клуни сам назначал настоятелей в монастыри, получавших при этом звание приора. Если в начале XI века насчитывалось около тридцати клюнийских монастырей, то в первой половине XII в. — уже более тысячи. Результатом реформы стало образование могущественной конгрегации из сотен монастырей на территории Западной Европы под главенством Клуни. Необходимо отметить, что сторонники реформы поддерживали римского папу и опирались на его авторитет, а в целом движение способствовало укреплению папской власти и католической церкви. Клюнийская реформа стала фундаментом для Григорианской реформы.

Григорианские реформы

Реформы эти получили своё название по имени папы Римского Григория VII, выпустившего в 1075 году свою энциклику Диктат Папы, давшую толчок и направление для этого движения духовного обновления в католицизме. Основными проблемами при проведении «григорианских реформ», проходивших в конце XI — начале XII столетия вокруг которых велась борьба, являлись такие вопросы, как симония, целибат и борьба за инвеституру, так как назначение епископов в то время находилось в руках у мирских властей.

После того, как в начале XII века борьба за инвеституру окончилась победой церкви и усилением позиций папства, они перестали видеть необходимость продолжения реформ.

2. Крестовые походы

Многие ученые объясняли крестовые походы, исходя из чисто материальных соображений, наличием значительного числа младших детей феодалов, не получивших наследство, умевших владеть оружием и искавших возможность поправить свое благосостояние. Однако, такие прослойки населения существуют в любом обществе от римских плебеев до современных панков, которых ни тогда ни сейчас не заставишь взять в руки оружие и идти воевать, с весьма призрачной перспективой победного

возвращения. Западные европейцы хотя и награбили много золота, но понесли огромные по тем временам моральные и человеческие жертвы.

В том, что их причиной были, прежде всего, идеологические мотивы говорит сам исторический фон, на котором они происходили. Духовным и идейным вдохновителем первого крестового похода стал простой нищий отшельник Пётр Амьенский, по прозвищу Пустынник, родом из Пикардии. При посещении Голгофы и Гроба Господня, зрелище всяческих притеснений чинимое мусульманами палестинским братьям по вере возбудило в нём сильнейшее негодование. Добившись от Константинопольского патриарха писем с мольбой о помощи, Пётр отправился в Рим к папе Урбану II, а затем, надев рубище, без обуви, с непокрытой головой и распятием в руках пошел по городам и весям Европы, проповедуя где только можно о походе для освобождения христиан и Гроба Господня.

26 ноября 1095 года во французском городе Клермоне состоялся собор, на котором перед знатью и духовенством выступил папа Урбан II, призвав собравшихся отправиться на Восток и освободить Иерусалим от владычества мусульман. Предлогом для похода была просьба византийского императора Алексея I оказать помощь в защите империи от наступления сельджуков. Первоначально обращение римского папы было адресовано только французскому рыцарству. Призыв лёг на благодатную почву, так как идеи Крестового похода уже были популярны среди народа западноевропейских государств.

Призывы папы римского, неистовые проповеди Петра Пустынника и других религиозных деятелей вызвали небывалый подъем. В разных местах Франции, Германии и Италии тысячи людей стихийно собирались в отряды и двигались на Восток. Урбан II определил начало крестового похода на 15 августа (праздник Вознесения Богородицы) 1096 года. Однако задолго до этого к Иерусалиму самостоятельно выдвинулась армия крестьян и мелкого рыцарства, возглавляемая Петром Пустынником. Масштабы этого стихийного народного движения были огромны. В то время, как Папа рассчитывал привлечь к походу всего несколько тысяч рыцарей, Петр Пустынник в марте 1096 года повел за собой многотысячную толпу — состоявшую, правда, по большей части из безоружных бедняков, которые отправлялись в путь с женами и детьми.

В поход выступило примерно от 50 до 80 тысяч бедняков, которые шли несколькими «армиями». Из которых до Константинополя добралось более 35 тыс. чел., а в Малую Азию переправилось около 30 тысяч. Неорганизованные толпы столкнулись с первыми трудностями ещё в Восточной Европе. Покидая родные края, люди не запаслись провиантом. Они рассчитывали, что христианские города Восточной Европы станут бесплатно обеспечивать их едой и всем необходимым, как это было всегда в Средние века для паломников, шедших в Святую землю, либо же будут отпускать провиант по разумной цене. Однако Болгария, Венгрия и другие страны, через которые пролегал маршрут бедноты, не могли прокормить толпы голодных паломников, и потому между местными жителями и ополченцами, вспыхивали конфликты, так как они силой отнимали про довольствие.

Спускаясь по Дунаю, участники похода разграбили и опустошили венгерские земли, за что их атаковала объединённая армия болгар, венгров и византийцев. Около четверти ополченцев было перебито, но остальные добрались к августу до Константинополя. Вскоре наводнившая город крестonosная беднота начала устраивать в Константинополе беспорядки и погромы, и императору Алексею не оставалось ничего другого, как переправить их через Босфор.

Оказавшись в Малой Азии, участники похода перессорились и разделились на две отдельные армии. Вскоре на них напали сельджуки, на стороне которых было значительное преимущество — они были опытными и организованными воинами, отлично знали местность, поэтому вскоре практически все ополченцы, многие из которых ни разу в жизни не держали в руках оружия и не имели серьёзного вооружения, были перебиты. Мусульмане не пощадили никого — ни женщин, ни детей, ни стариков, которых было много среди «горе-крестonosцев» и за которых нельзя было получить хороших денег при продаже на рынке как рабов.

Из примерно 30 тысяч участников «Похода нищих», примерно 25-27 тыс. были убиты, а 3-4 тыс., в основном молодые юноши и девушки, попали в плен и были проданы на мусульманских базарах Малой Азии. Подошедший византийский корпус смог только сложить из тел павших христиан холм высотой до 30 метров и совершить обряд отпевания павших.

Отряды рыцарей, насчитывающих в обеих сложности до 300 тысяч человек, двинулись позднее, но в пути через Азию в разгар лета, страдали от жары, недостатка воды и провианта. Некоторые, не выдержав тягот похода, погибали, пало много лошадей. Время от времени крестonosцы получали помощь деньгами и пищей от братьев по вере — как от местных христиан, так и от оставшихся в Европе, — но по большей части им приходилось добывать пропитание самостоятельно, разоряя земли, через которые пролегал их путь. В июле 1099 году крестonosцы захватили Иерусалим и создали там королевство, а также еще несколько христианских государств, в других Средиземноморских местностях. Всего насчитывают девять походов в Палестину, в том числе детский поход 1212 года, когда тысячи детей двинулись освободить Гроб Господень. Большинство из них попало в плен, и было продано в рабство. Кроме того, крестовыми были названы и походы по насаждению католичества в славянских землях, Прибалтике, а также при подавлении ереси альбигойцев.

Крестовые Походы имели важные последствия для всей Европы. Не затрагивая их экономическое и политическое значение, остановимся на некоторых социальных, культурных и духовных аспектах. В крестовых Походах принимали участие представители всех социальных групп, на которые делилось население средневековой Западной Европы, начиная от крупнейших баронов и кончая массами простых крестьян, поэтому Крестовые Походы начали процесс сближения классов и европейских народностей, пробуждая в них сознание единства, основой которого было чувство христианской общности.

Крестовые походы утвердили авторитет католической церкви и римского папы, который стал бесспорным духовным лидером не только народа, но и монархов Европы.

Крестовые походы породили новый тип рыцаря, для которого война, служившая ранее средством к достижению материальных интересов, получила новый духовный характер. Рыцари стали проливать свою кровь за духовно-нравственные идеалы и утверждение своих религиозных воззрений. В Европе родился идеал благородного человека - рыцаря, как борца за высшие духовные интересы, за правду и за религию. Появляется совершенно новое в мировой истории учреждение – военные монашеские ордена. Понятие о рыцарской чести, рыцарском благородстве как идеалах нравственного поведения дожило и до наших дней, хотя бы и в форме абстрактных представлений.

История Крестовых походов полностью разрушает миф о христианстве, как религии рабов. Петр Пустынный и тысячи других аскетов, шедших в Палестину с единственной целью освободить Гроб Господень никак не похожи на рабов. Папы и короли придавали походам организационные формы, а их движущей силой были страстные проповеди духовных вождей, которые зажигали сердца и поднимали в поход.

Многие исследователи считают, что походы подготовили эпоху Возрождения, которая хронологически последовала за ними. В время Крестовых походов рождалась новая христианская цивилизация.

3. Ереси

Возникновение ересей

О том, что в Средние века духовная жизнь Европы бурлила, говорит процесс, противоположный укреплению христианства - широкое развитие ересей. Отсутствие средств коммуникации, подобных современным, замедляли скорость решения проблем, но не смягчали их остроту. Исследователи-материалисты видят в возникновении ересей отражение социальных противоречий, существовавших между общественными слоями и классами. Конечно это так, но возникает вопрос, а были ли иные институты, в которых могли быть выражены эти противоречия, кроме религиозных? Какие общественные институты кроме церкви, способные выразить настроения народа, существовали в то время? Таковых не было.

В то время как одни христиане шли в Палестину умирать за Христа, другие, оставаясь в Европе, тоже умирали за него. Одни под руководством католической церкви боролись с мусульманами за освобождение Гроба Господня, другие выступали против этой же церкви за чистоту учения Христа.

Главным содержанием всех еретических движений была борьба не за материальные интересы, а за духовную справедливость и истину, то есть идеологические противоречия превалировали над всеми другими. Исходным посылом всех ересей было стремление объяснить причины существования вселенского зла и его господства над людьми. Этот мотив лежал в основе идеологии ересей, возникших ещё в первые века существования христианства. Он обосновывался противоречиями между Ветхим и Новым Заветом. Тысячи еретиков, принявших за свои убеждения мученическую смерть, сознательно шли на нее не с целью приобретения каких-либо материальных благ. Они

умирали за идею. Попытки материалистов найти в еретических движениях, какой-то материальный мотив, выглядят довольно кощунственно. О них сказал Христос: «Не хлебом одним будет жить человек». (Мф 4:4)

Можно отметить, что с момента возникновения еретические движения и верования различных эпох сохраняли идейную преемственность. Одной из самых ранних христианских ересей был *маркионизм* основанный Маркионом Синопским в период 100-155 гг. н.э. Согласно учению Маркиона, Ветхозаветный Бог не обладает свойствами всемогущества, всеведения и всеблагости. Свойство благости принадлежит Богу Нового Завета, живущему на третьем небе и пославшему в грешный мир своего посланца Иисуса Христа. Маркионизм являлся ярким врагом иудаизма, пессимистически относился к миру, считая человека не заслуживающим спасения. Маркионисты тяготели к мученичеству и аскетизму. В VII веке идеи маркионизма и манихейства послужили основой для возникновения ереси павликанства.

Манихейство – учение о вечной борьбе между добром и злом. Его основатель Мани (по-арамейски означает «несущий свет») родился 14 апреля 215 или 216 года в Персии. В учении Мани переплелись философские идеи буддизма, индуизма, зороастризма и христианства, а также гностицизм. В основе манихейства лежит идущая от зороастризма и гностицизма идея о существовании двух мировых начал – доброго и злого, света и тьмы. Акт создания мира манихейство расценивает как катастрофу.

Согласно верованиям манихеев, спасение человека возможно лишь тогда, когда он осознает своё положение в мире зла, проснётся от сна невежества. Душа человека безгрешна, а всё плохое от материального тела. Единственный грех – «забывчивость» души, потеря воспоминаний о своём свете, то есть неприятие манихейства. Такое отношение к грехам привлекало в ряды верующих людей сомнительного нравственного поведения. Некоторые манихеи считали, что раз существующий мир сам по себе является злом, то всё, что разрушает его – является добром.

В VII веке в Армении Константин из Самосат стал основателем другой ереси, получившей название – «павликанство». Внимательно изучив Новый Завет, он пришёл к выводу, что ортодоксальная церковь допускает множество обрядов и элементов вероучения, не свойственных христианству как духовной религии. Павликане отвергали Ветхий Завет и учение о Богородице. Источником своего учения они считали Новый Завет и придерживались манихейской системы мира, в котором существуют два равносильных начала: Бог, творец мира невидимого, духовного и вечного, и Сатана, творец мира видимого, вещественного и тленного. Павликане считали ветхозаветного Бога Иегову Сатаной, а, соответственно, ветхозаветных пророков и патриархов слугами Сатаны. Христос по их учению послан Небесным Отцом, чтобы разрушить культ Сатаны. Учение распространялось среди народных низов.

В 684 году по приказу императора Византии Константин из Самосат был схвачен и казнён. Однако уже через три года его последователи придали движению новую силу. Оно распространяется на востоке и в Малой Азии. Около двух столетий павликане ведут с Византией непрекращающиеся войны, доставляя ей множество хлопот. Византийские императоры предпринимают

несколько попыток избавления от павликан путём переселения. В IX веке павликан переселяют во Фракию на Балканы.

В 970 или 975 году следует новое переселение павликан во Фракию в район современного болгарского города Пловдива. В это время никому дотоле не известный болгарский православный священник **Богомил** начал высказывать идеи, которые вскоре распространились от Чёрного моря до Бискайского залива. Богомилы отвергали Ветхий Завет, читали Евангелия и Псалмы, единственной их молитвой была «Отче наш», которую они повторяли 120 раз в день. Некоторые ветви богомилов из своего учения делали самые радикальные выводы. Так последователи Кирилла Босого практиковали нудизм как попытку возвращения в Рай. Последователи проповедника Феодосия предавались оргиям, для того, чтобы каяться. В Германии в конце XII начале XIII веков существовала секта сатанистов-люцефириан, имеющая богомильское происхождение.

Катары или альбигойцы.

Идеи павликан и богомилов дошли до стран Западной Европы. Нет сомнения, что во время Крестовых походов, когда десятки и даже сотни тысяч европейцев проходили через земли Балканского полуострова, населенные богомилами, их идеи не были усвоены кем-то из крестоносцев. Божественность Иисуса Христа и святость дела, за которое идут воевать крестоносцы не вызывали ни у кого из них сомнения.

Еретические идеи богомилов к XI веку были распространены на юге Европы, особенно в южной Франции в провинции Лангедок, где город Альби был главным центром их движения, отсюда название – альбигойцы. Эти идеи были развиты и получили название учения катаров или альбигойцев. Катары верили в существование двух начал – доброго и злого. Злое начало создало человеческое тело и изобрело грех, который происходит от плоти, а не от духа. Они относили Бога Ветхого Завета к этому началу, а Новый Завет и Иисус Христос в их учении являлись добрым началом. Спасение по их учению состоит в том, чтобы освободить душу из телесного плена. Этого следует добиваться строгим воздержанием и умерщвлением плоти. Голод и воздержание от плотской любви, с целью препятствовать деторождению, которое приводило по их мысли к размножению греха, сопровождалось строгим вегетарианством. Они верили в переселение душ. ***В 1178 году их проповедники переводят Евангелие с латинского на простонародный язык, чтобы его могли читать все верующие.***

Они провозглашали Римскую церковь «синагогой сатаны», отрицали церковные обряды, критиковали нравы, царившие среди священнослужителей, не желали выплачивать церковную десятину. В своих общинах катары за образец брали жизнь раннехристианских общин. Большинство катаров отвергало феодальный суд, светскую власть, проповедовало аскетизм, безбрачие и непротивление злу.

Римский папа объявил против них крестовый поход. Говорят, что во время взятия крепости Безье в 1209 году военачальник спросил папского легата, как отличать еретиков от католиков, на что получил ответ: «*Убивайте всех, Господь отберёт своих*». В результате выполнения этой инструкции было вырезано всё население города. По различным данным от 7 до 20 тыс.

человек. Катары с величайшим мужеством встречали смерть. Их вероучение запрещало убийство не только людей, но и животных. Многие из них были умерщвлены без малейшего сопротивления. Для выявления еретиков применялся простейший приём. Им давали нож и предлагали зарезать цыплёнка, они отказывались и отправлялись для сожжения на костёр. Войны с еретиками продолжались до 1244 года, но и после их завершения борьба с ересью продолжалась до XV века.

Необходимо отметить, что время борьбы с катарами совпадает с интенсивной организацией крестовых походов в Палестину. Католическая церковь ведет войну на два фронта. Борьба с еретиками имела конкретные последствия. *В 1229 году на поместном соборе в Тулузе было принято решение, которое запрещало верующим иметь и читать Библию даже на латинском языке. Только священникам разрешалось это делать. Позднее этот запрет распространился на все католические страны. А в 1252 году была принята папская булла, по которой для борьбы с еретиками создавались инквизиционные трибуналы, которым разрешалось для установления истины применять пытки.*

Вальденсы.

Если ересь катаров имеет видимую связь с богомилством, то ересь вальденсов, на первый взгляд, самостоятельна, а история ее возникновения хорошо известна. Пётр Вальдо очень богатый ростовщик из города Лиона захотел читать Священное Писание на понятном ему романском родном языке. Добившись желаемого, он внимательно изучил Евангелие и понял, что многие люди просто не знают того, что в нём написано, и решил нести слово Божие в народ. Первое, что он делает, это порывает со своей богатой и обеспеченной жизнью, отказавшись от нажитых богатств. Для проповеди Евангелия Вальдо решает заручиться поддержкой самого Папы. В 1179 году вместе с ближайшими приверженцами, которые у него к тому времени появились, едет в Рим на встречу с папой. Ему удаётся попасть на приём к первосвященнику и даже получить от него похвалу за желание вести бедную странническую жизнь, посвящённую проповеди Евангелия.

Через два года Нарбоннский епископ устраивает с ними диспут по содержанию Священного Писания, на котором выяснилось, что толкования последователей Вальдо ясно обнаруживали и обличали неправду многих сторон жизни духовенства, что с их доводами было трудно спорить. Новый папа подписывает буллу в 1184 году, в которой называет их еретиками – лионскими нищими и отлучает от церкви. Такое решение оказало на вальденсов обратное воздействие. Они осознают, что их учение идёт в разрез со многими сторонами римской церкви и как мало общего между папством и словом Божиим. Последователи вальденсов быстро создают общины по всей Центральной Европе. Вальденсы отрицали право церкви иметь собственность, собирать десятину, отвергали некоторые церковные таинства, поклонение иконам, почитание креста, догмат о чистилище. Они свято выполняли три нравственных принципа: запрет лжи, клятвы и пролития крови, даже на войне. Эта ересь распространялась среди городских и сельских жителей. Хотя один папа хотел объявить против них крестовый поход, и они подвергались

гонениям вплоть до XVIII в., но сумели сохраниться до наших дней. Многие идеи этих еретиков были подхвачены протестантами.

3. Франциск Ассизский

Франциск Ассизский (1182 —1226) – совершенно новый тип последователя Христа, который по высоте своего духовного состояния и нравственного поведения вплотную приблизился к идеалу учения - новому духовному человеку. Позднейшие исследователи жизни Франциска напрямую сравнивают его с Иисусом Христом. Родился Франциск в зажиточной купеческой семье, был единственным сыном, и родители ни в чём ему не отказывали. Юношей он вел разгульную жизнь, родители не мешали сыну, гордились его знакомством с дворянской молодёжью, а мать Франциска не скрывала, что ожидает для него славного будущего. И сам Франциск в это время не был лишён тщеславия: источники говорят, что он не хотел, чтобы «кто-либо его превосходил».

Отправившись в Рим на поклонение св. Петру, Франциск был возмущен скудными подаяниями на могиле первого апостола; он вынул из кармана целую горсть золотых монет и отдал их в качестве подаяния апостолу. Выйдя на паперть, он увидел длинный ряд нищих, ожидавших милостыни, обменявшись с одним из нищих одеждой, он стал в их ряды и до вечера пробыл с ними.

Основным свойством Франциска стало живое, отзывчивое чувство сострадания. Образ нищего и страдающего Христа, призывающего всех следовать за ним, стал для Франциска источником откровения. Проповедь такого идеала могла привести Франциска к столкновению с духовенством и папской курией; но глубокое смирение, проявлявшееся в наивно-трогательных формах, удерживало Франциска в среде церкви. Неспособный кого-либо осуждать, Франциск не мог сделаться реформатором; его призыв к евангельскому совершенству не стал, как у вальденсов, поводом к разрыву с папством, а, напротив, привел к усилению религиозного энтузиазма в пределах католической церкви. По преданию, Франциск совершил много чудес, он исцелял слепых, воскрешал мёртвых, лечил паралитиков, ревматиков, прокажённых, больных водянкой.

Говорят, что Франциск, встретив по дороге в Рим прокажённого, не ограничился тем, что бросил ему монету, а слез с лошади, вручил больному монету, поцеловал ему руку и получил от него «поцелуй мира».

Два года провел Франциск в окрестностях Ассизи, занимаясь, кроме молитвы, починкой церковей, для чего выпрашивал камни; особенно стала ему дорога полуразрушенная часовня св. Девы, под названием Порциункула. Исправив её, Франциск устроил для себя шалаш возле неё. Питался он объедками, которые собирал по городу в обеденное время. Многие стали его считать помешанным, но к его бедному житью присоединился богатый гражданин Бернард де Квинтавалле, который, согласно с Евангелием, распродал свое имущество и раздал бедным. Вскоре к ним присоединились и другие. В одежде странников они ходили по соседним городам и деревням, призывая к миру и покаянию. На вопрос, кто они такие, они отвечали: «кающиеся грешники»; но они были бодры духом, называя себя «ликующими в Господе» или «потешниками Господа». Иные из них, как и

сам Франциск, занимались ручным трудом, при случае помогая крестьянам в сельских работах, но денег не принимали, довольствуясь лишь скромной трапезой.

1209 г. в своей часовне он услышал за обедней слова, с которыми Христос послал своих учеников проповедовать о наступлении царства небесного: «Не берите с собой ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха» (Мф. 10: 7—11). Франциск просил священника повторить и разъяснить ему латинский текст и, вникнув в смысл его, с восторгом воскликнул: «Вот чего я хочу!» Он снял с ног обувь, бросил посох и опоясался веревкой. Из нищего странника и отшельника он стал проповедником. Не раз ещё потом на Франциска находило сомнение, что угоднее Богу — молитва или проповедь? В этом сомнении отразилось стремление Франциска понять, что важнее: личное спасение или спасение других, возможное при помощи проповеди. Но именно то, что молитва уступила проповеди, обусловило собой всемирно-историческое значение нового францисканского ордена.

Число его учеников увеличилось, и он отправился в Рим просить у папы утверждения составленного им для своего братства устава. Папой был тогда Иннокентий III, власть которого стала необычайно сильной. Первосвященник, считавшийся наместником Христа, фактический владыка мира, раздававший царские короны, встретился с босоногим нищим. Францисканские легенды повествуют о том, с каким пренебрежением папа отнесся к нищему, он был так поражен грязным видом Франциска, что послал его к свиньям. Франциск, буквально исполнил указание и вернулся ещё грязнее, но вновь стал просить исполнить его мольбу. Иннокентий был не только растроган таким смирением, но и помнил, что чуть больше двадцать лет назад его предшественник отверг пришедших за помощью вальденсов, тем самым превратив их в еретиков и врагов церкви. Он не стал повторять ошибку и признал за францисканцами право проповеди бедного жителя, принял их на службу церкви, взяв с Франциска клятву послушания, и дал его спутникам тонзуру, сделавшую их клириками.

С этого времени число францисканцев быстро растёт, и они собираются обратить все народы. Как далеко ни уходили францисканцы, но в Троицын день они возвращались к его шалашу, где на время своего пребывания строили и для себя шалаша. О собрании 1219 г. сохранилась молва, что братьев собралось 5000, и все они прожили около Франциска неделю, питаясь приношениями окрестных жителей, так велико уже было почтение народа к Франциску. Община так разрослась, что нужно было подумать об её организации. Полный энтузиазма и любви ко всем, Франциск этим мало интересовался, но тем более заботились о том члены курии, которая уже при самом начале обязала братьев к послушанию Франциску, а его самого к повиновению папе. Для общины последователей бедного Христа наступила критическая эпоха, из которой она вышла преобразованной в монашеский орден. В его среде были люди, которым идеал Франциска казался слишком суровым и которые требовали уступок и смягчений. Эти умеренные искали опоры у кардинала.

В 1220 г. крестоносцы воевали в Египте, и Франциск решился обратиться в христианство тамошнего султана. Путешествие его к султану по сегодняшним меркам кажется совершенно невероятным. Атеистические исследователи религии объявляли Франциска сумасшедшим, да и он сам в проповедях говорил о своем безумии, но это безумие идет от апостола Павла, который говорил: «Когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих... А мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие». (I послание к Коринфянам 1:21, 23). Борьба за новые идеалы, отвергавшие материальные блага, настолько противоречила традиционным нормам поведения, что христиан еще со времен Иисуса объявляли безумцами. Когда Франциск приблизился к ставке султана и потребовал встречи с ним, о нем доложили и султан принял его. В разговоре Франциск заявил, что готов войти в огонь ради спасения души султана вместе с кем-нибудь из мусульманских священников. Франциск был уверен, что огонь его не тронет, а султан увидев такое чудо изберет веру в Христа. Султан, видимо, был потрясен такой силой веры. Находившиеся в шатре муллы, услышав предложение побывать на костре, начали потихоньку уходить. Султан был образованным и мудрым человеком. Он заявил, что не знает никого из своих священников, кто добровольно составит Франциску компанию на костре, тем более что если он сменит веру, то его убьют свои же воины. Вместо костра султан предложил Франциску остаться при его дворе, где было много мудрецов, но Франциск отказался и заявил, что ему надо посетить Святые места. Тогда султан приказал выдать Франциску охранную грамоту, которая позволила ему выполнить задуманное, помолиться у Гроба Господня и невредимым вернуться назад.

Папская курия старалась взять контроль над орденом и вносила в его устав свои добавления. Булла 1220 г положила конец свободному входу в братство и выходу из него. Желавшие вступить в братство Франциска должны были находиться год на испытании, но по принятии их в братство уже не имели права уйти. Свободная община добровольных последователей Христа превращалась в замкнутый монашеский орден. Булла 1222 г, предоставлявшая францисканцам привилегию служить обедню в своих собственных церквах, если у них таковые будут. В том же году одному из нищих монахов поручается дисциплинарная власть над местным епископом (в Португалии).

Одновременно с этим усиливается и в самом братстве стремление уклониться от первоначального идеала. При большом числе новых членов не всем было по силам вечно странствовать с нищенской сумой, тем более, что при большом распространении ордена уже различие климата заставляло отступать от первоначального обычая: так, ещё до 1220 г перестали соблюдать предписание не иметь двух одежд.

В 1224 г. Франциск имел видение, после которого на его руках и ногах, по преданию, остались стигматы, то есть изображения головок и концов гвоздей распятого Христа.

Франциском двигала любовь к человеку. Он говорил: «Господь призвал нас не столько для нашего спасения, сколько для спасения многих».

В его идеал входит отречение от мира, от земных благ и личного счастья, но это отречение сопровождается не презрением к миру, не брезгливым отчуждением от греховного и падшего человека, а жалостью к миру и состраданием к нищете и нуждам человека. Не бегство из мира становится задачей аскета, а возвращение в мир для служения человеку. Не созерцание идеального божеского царства в небесной выси составляет призвание монаха, а проповедь мира и любви, для установления и осуществления царства Божия на земле. В лице Франциска из аскетического идеала средних веков рождается гуманизм нового времени. Каким жалким и безобразным в сравнении с Франциском Ассизским выглядит греческий аскет Диоген Синопский, гадивший на виду у людей, и делавший другие непотребства.

Несмотря на то, что Франциск действительно считал своим призванием «оплакивать по всему свету страдания Христа» и несмотря на собственные тяжёлые страдания в последние два года жизни, Франциск до конца сохранил своё поэтическое воззрение на мир. Его братская любовь ко всякой твари составляет основание его поэзии. Он не только пишет поэтические произведения, но и кормит зимой пчёл мёдом и вином, поднимает с дороги червяков, чтобы их не раздавили, выкупает ягнёнка, которого ведут на бойню, освобождает зайчонка, попавшегося в капкан, обращается с наставлениями к птицам в поле, просит «брата огонь», когда ему прижигают язвы, не причинять слишком много боли.

Весь мир, со всеми в нём живыми существами и стихиями, превращался для Франциска в любящую семью, происходившую от одного отца и соединённую в любви к нему. Этот образ был источником, из которого вылилась его поэтическая «хвала» Господу со всеми Его творениями.

Последние дни Франциска были очень мучительны; страдания его были облегчены уходом своей последовательницы, в будущем признанной святой, Клары и его собственным настроением. Он прибавил к своей Хвале Господа и всех творений строфу с хвалой «сестре нашей, телесной смерти», и не как аскет, а как поэт, закончил жизнь словами: «Жить и умереть мне одинаково сладко». Франциск скончался 4 октября 1226 г; уже два года спустя он был канонизован папой Григорием IX.

Среди сохранившихся текстов Франциска молитвы, канонические правила, увещания братии и небольшая переписка. Уникальное место в наследии занимает сочинённая им на смертном одре (1224 или 1225) «Песнь о Солнце», славословие Господу и всем его творениям, прежде всего, Брату Солнцу и Сестре Луне, а также Брату Ветру, Сестре Воде, Брату Огню, Матери Земли, а под конец даже Сестре Смерти. Написанная ритмической прозой на умбрийском диалекте «Песнь о Солнце» Франциска ныне считается первым в мире памятником специфически *итальянской* литературы. Примеру Франциска-поэта последовали многие его братья по ордену, которые в своих стихах не только славили Бога, но и природу. Жизни святого посвятил немало произведений великий художник и скульптор Джотто, предшественник исторического Ренессанса. Некоторые исследователи полагали, что итальянская поэзия и Возрождение начались с творчества Франциска Ассизского.

4. Университеты

О средневековой науке, называемой схоластикой, принято говорить в ироничных тонах, так как в ее основе лежали богословские проблемы, обсуждение которых велось методами, вызывающими в наше время насмешку. Но если посмотреть на хронологию создания первых университетов: Болонский – 1158 г., Кембриджский – 1209 г., Парижский – 1213 г., Оксфордский, Саламанский - 1218 году, возникает чувство изумления. В годы Крестовых походов в Палестину и против катаров создаются учебные заведения, в которых сосредотачивается цвет образованных людей. После того, как император Юстиниан в 529 году закрыл академию в Греции, высших учебных заведений на территории Европы не существовало почти шесть столетий. В течение 60 лет открывается сразу же пять университетов, вслед за которыми возникает настоящая мода на университеты и образование. В последующие годы открывается много других в разных странах, в том числе и в славянских землях Пражский в 1348 г. и Краковский в 1364 г. Несмотря на то, что главным факультетом в них был теологический, студенты изучали философию, право, музыку и медицину. Если под Возрождением понимают возрождение античной образованности, то оно начинается не с расцвета искусства, ремесла и торговли, а с открытия университетов, которые давали толчок пробуждению духовной жизни вне религиозных рамок.

5. Любовь и семья

Дисциплинирующая роль, которую сыграла христианская церковь в отношениях между мужчиной и женщиной, имеет очень большое значение. Если взять взгляды древнегреческих философов на отношения между полами и роль семьи, то их спектр очень широк, вплоть до полного отрицания гетеросексуальной любви и семьи. Если Аристотель считал семью основой государства, то Диоген ее вообще отвергал. Та свобода в сексуальной сфере, к которой призывают современные либералы, была повседневной действительностью в языческой Греции и Риме.

Христианская церковь, опираясь на авторитет Библии, назвала грехом и извращением не только однополый секс, но любые отклонения от данных природой правил сексуального поведения, в том числе и внебрачный секс. В языческом обществе проституция как мужская, так и женская была узаконена. Христианская церковь не только подвела ее под понятие греха, хотя и не смогла изжить, но дала ей нравственную оценку, чего язычники не делали.

Мысль о том, кого Бог сочетал, человек не вправе разлучать, налагала на брак священные узы. В Средние века пишутся многие книги, в которых разъясняются семейные отношения, роль мужа и жены. Критики христианства делают упор на то, что женщина в христианской семье занимает подчиненное положение, закрывая глаза на то, что как будто бы у нее было иное положение в греческой или римской семье, а тем более на Востоке, где господствовало многоженство. Чего стоит только убийство нежеланных детей, которое существовало у язычников. Христианство сохраняет главенствующее положение в семье мужа, но и налагает на него ответственность и обязанности. Супружеская измена одинаково грешна для

мужа и жены, а ответственность за благополучие семьи, ее материальное положение лежит больше на муже, чем на жене.

В Средние века складывается понятие «семейные узы», которое в то время означало нерасторжимое единение мужа и жены, и лишь через несколько столетий его понимание превратилось в тяжкие цепи.

Не смотря на все человеческие слабости и издержки жизненных обстоятельств, в Средние века рождается образ человека благородного и духовного, наделенного глубокой любовью к людям, который стремится не к обладанию богатством, а к доблести и героизму, вызванных духовными исканиями, даже если для этого ему требуется одеть нищенские лохмотья. Средние века рождают не только идеал человека: мужчины и женщины, но и идеалы чувств: веры и любви, преданности и верности, отваги и доблести, служения и самоотречения, свет от которых доходит и до нашего времени.
